

Андрей

Воронов-Оренбургский

ФАТУМ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ПАРУСА СУДЬБЫ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

Андрей Воронов-Оренбургский

Фатум. Том первый.

Паруса судьбы

«ЛитРес: Самиздат»

2001

Воронов-Оренбургский А.

Фатум. Том первый. Паруса судьбы / А. Воронов-Оренбургский —
«ЛитРес: Самиздат», 2001

1815 год. В результате революции в Мексике русско-американским колониям грозит война. В Калифорнию отправляются два посланника – из Мадрида и Санкт-Петербурга. Каждый из них везёт секретные директивы, способные предотвратить нарастающий конфликт. Но вмешиваются третьи силы, и коронных гонцов подкарауливает смертельная опасность на каждом шагу. «Фатум» продолжает традиции старых добрых романов, невероятно насыщенных событиями, географическим размахом путешествий, калейдоскопом ярких персонажей. Содержит нецензурную брань.

© Воронов-Оренбургский А., 2001

© ЛитРес: Самиздат, 2001

Содержание

Автор и его роман	6
Часть 1 Последний канцлер России	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	37
Часть 2 Восточные ворота	40
Глава 1	40
Глава 2	41
Глава 3	43
Глава 4	46
Глава 5	49
Глава 6	53
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Андрей Воронов-Оренбургский Фатум. Том первый. Паруса судьбы

РОССИИ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Хвала вам, покорители мечты,

Творцы отваги и суровой сказки!

В честь вас скрипят могучие кресты

На берегах оскаленной Аляски.

С. Марков. «Предки»

Автор и его роман

Первая четверть XIX века, 1814 год, блистательный Санкт-Петербург, дворцовые интриги, начинающиеся колкими остротами и заканчивающиеся кровавыми схватками на окраинах могущественных империй – в Северной Америке. Именно там и столкнулись в прошлом веке интересы трех колоссов, супердержав – Англии, Испании и России.

Отправляясь по приказу канцлера графа Румянцева в призрачную Калифорнию, капитан Преображенский при странных обстоятельствах встречает молодую американку мисс Стоун, которая несет темное бремя своего прошлого...

Связанные разными целями, но единым чувством любви, герои отправляются в полное тайн и удивительных открытий путешествие.

Роман «ФАТУМ» талантливого русского писателя Андрея Воронова-Оренбургского относится к историко-приключенческому жанру и продолжает традицию старых, добрых романов, зовущих читателя в окутанный романтической дымкой мир парусников, шпаг и треуголок.

Как и в предыдущем своем романе «Квазинд», автор большое внимание уделяет любопытным деталям этнографического характера и прочим забытым реалиям описываемой эпохи. Сюжетные коллизии, батальные, светские и бытовые сцены поражают читателя своим размахом и знанием исторического материала. Выписанные мастерски и ярко, они содержат в себе интереснейшие суждения и споры о политике, бойкие диалоги о жизни и размышления героев.

Автор хорошо усвоил уроки классического искусства, с его отточенностью формы, с его глубокой и живой философичностью. Изящество оригинального стиля гармонично сочетается в романе с авантюрными, детективными, подчас даже мистическими началами сюжета, выраженными в неожиданных поворотах и перевертышах.

Дух необъятных пространств Русской Америки и Сибири, отчаянные погони и таинственные убийства, неразрешенные интриги столь захватывают своей непредсказуемостью, что от книги нет сил оторваться – она читается на одном дыхании.

Роман Андрея Воронова-Оренбургского выгодно отличается от всего обилия, что написано в этом прекрасном, неумирающем жанре. Чтение доставит Вам очень много приятных и увлекательных часов.

*Доктор исторических наук, профессор
А.И. Конюченко*

Часть 1 Последний канцлер России

Глава 1

Большой Рождественский бал в Аничковом дворце сверкал пожарами свечей, шампанским и залпами поздравлений. То и дело слышался скрип снега под лакированными полозьями петербургских лихачей, торопливый перестук каретных дверок, ухо ласкал щедрый звон чайных; а в морозном воздухе сквозили запахи модных духов, переплетающиеся с пахучей елью; мелькали вуали, бобровые шубы, английские каррики¹ с пелериной ниже плеч, лоснящийся шелк цилиндров, собольи манто и муфты.

Двери держал нараспашку великан-швейцар, по всему отставной семеновец, при парадной ливрее: при серебре с кумачом и сандаловом жезле, сияющем жаркой позолотой чеканного набалдашника.

По молочному мрамору ступеней уже разливались нежные звуки скрипок; они будоражили душу и заставляли спешить туда, где ослепляла бронза шандалов и люстр.

В центре огромного зала возвышалась карельская ель: семь сажен бесчисленных разноцветных свечей, блестящего серпантина и восковых игрушек.

Гости сожалели, что самого августейшего монарха и великого князя Константина Павловича не было с ними. Оба находились в ставке, сопутствуя французской кампании: триумфальному шествию русских войск из Фрейбурга в Брисгау. Посему Рождественский бал устраивал великий князь Николай Павлович.

Когда все истомились изрядно, вдруг наступила торжественная тишина.

В середину зала вышел всеобщий любимец – церемониймейстер его величества. Он представил только что прибывшего из ставки адъютанта Императора.

Стройный, в вицмундире, тот в одной руке держал у груди треуголку, в другой – воззвание Государя к русским воинам. В звенящей тишине им была зачитана речь Александра:

«Неприятели, вступая в середину Царства Нашего, нанесли нам бесчисленного зла, но и претерпели за оное страшную казнь, – Гнев Божий покарал их. Не уподобимся им, – человеколюбивому Господу не может быть угодно бесчеловечие и зверство. Забудем дела их; понесем к ним не месть и злобу, но дружелюбие и простертую для примирения руку. Слава Россиянина низвергать ополченного врага, и по исторжении из рук его оружия, благодетельствовать ему и мирным его собратиям!»

После чего было передано Рождественское поздравление его величества и, заглушая победное русское «Ур-р-а!!!», грянул оркестр.

И вот, под виртуозные пассажи скрипок, по блестящему паркету заскользили дамы и кавалеры.

Музыканты играли вальс, и канцлер Румянцев почувствовал, как его тело захватывает этот будоражащий ритм, как сердце обдувает столь знакомый с юности холодок восторга... Но, увы, лета брали свое. Графу почти пробило шестьдесят, и хотя он, как прежде, был осанист и свеж лицом, все же предпочитал наслаждаться шампанским за спокойной застольной беседой.

Министра позабавил горячий порыв его любимца – два-дцатисемилетнего князя Осоргина, доблестного морского офицера, капитана, известного «бомбардира» женских сердец, жившего широко и блестяще... Алексей размеренной походкой подошел к выбранной пассии. Высокий и прямой, как тополь, он был на заглядение хорош. Князь умел носить мундир, равно

---

¹ Каррик – разновидность пальто.

и фрак, как это умеют далеко не многие. В нем чувствовались порода и та, отчасти надменная, но весьма пикантная уверенность и непринужденность в движениях, которой так завидовали в обеих столицах.

Вышколенный до струнного звучания лакей почтительно склонил голову, задерживая перед графом золоченый поднос. Николай Петрович рассеянно поставил пустой фужер, прислушиваясь к оживленному разговору.

Говорили о том, что армия кровью искупила святой пожар Москвы, который осветил дорогу на Париж, что Наполеон бежит, а вся Европа рукоплещет православному штыку, что решительно не сыскать уголка, где бы не чест-вовали нашего солдата, и что не за горами день, когда Царь-Избавитель въедет на белом коне в Париж...

От таких откровений в душе Николая Петровича разливался бальзам. Брала терпкая гордость за Отечество, за царя и за принадлежность к сему великому, непобедимому славянскому племени.

– А-а-а, вот вы куда запропастились, граф! – ему лукаво улыбался раскрасневшийся после двух туров вальса Михаил Матвеевич Булдаков. – А отчего одни? Без дам?

Румянцев ответил теплой улыбкой первенствующему директору Российско-Американской Компании:

– А вы при интересе, Михаил Матвеевич?

– Полноте, ваше сиятельство, в наши ли лета амуры крутить? Куда нам тягаться взапуски с Осоргинами, не та прыть... А князь один, без своей англичанки? Как, бишь, ее?

– Леди Филлмор, – помог Румянцев, морщась от имени заморской красавицы, и добавил: – Да, как будто один.

– Странно... Впрочем, какое мое дело.

Булдаков усмехнулся, расправив плечи; взгляд серых глаз схватился строгостью, губы сомкнулись в прямую линию.

Сквозь смех и шум донесся голос церемониймейстера:

– Mesdames, messieurs, j'invite vous la polonaise!²

Когда зазвучал оркестр, канцлер в сопровождении своего старинного друга уже шел в игорный зал, где на зеленом сукне азартно и свежо раскладывался белый атлас карт, делались ставки и крутилось колесо Фортуны.

---

² Mesdames, messieurs, j'invite vous la polonaise! – Мадам, месье, прошу всех, – полонез! (фр.).

Глава 2

Игра взялась крупная, острая: трещал срываемый картон свежей колоды, карты сдавались умело, без суеты, но споро. Ставки начались с трех тысяч, затем взлетели до десяти. Румянцев присоединился: он не любил мелочиться, зато любил риск; тот приятно шекотал нервы.

В ту Рождественскую ночь ему на редкость везло, – масть сама шла в руки; и он, без сомнения, мог пытаться счастье и сорвать банк, когда в игорном зале запестрели алым мундиры англичан. У стола, где восседал Николай Петрович, неожиданно раздался скрипучий, как каретное колесо, голос лорда Уолпола:

– Черт побери! Где этот старый лис?!

Вопрос прозвучал жестко, точно удар шпицрутена, и повис в притихшем зале. Игра встала, карты упали на стол, все повернулись к английскому послу.

Лорд Уолпол, затянутый в красное сукно мундира, с короткой шпагой на белой португее, стоял впереди дипломатического корпуса союзников-англичан. Белесая нитка усов зло дергалась.

Нестройно загремели отодвигаемые стулья. Все встали, потрясенные невиданной дерзостью.

Румянцев дипломатично сделал вид, будто не понял адресованной ему реплики, хотя сочетание «старый лис» резануло по сердцу и лицо охватило жаром, как от пощечины.

– Милостивый государь, – он понимал всю серьезность и ответственность сложившейся ситуации и был предельно вежлив.

– Извольте объясниться пред господами, кого вы имели в виду?

– «Кого вы имели в виду», – съязвил лорд Уолпол. – Вас, сударь, вас – того, кто не без умысла водил Англию за нос и сокрыл английскую ноту от американской миссии!

Гости с недоумением увидели, как Николай Петрович шевельнул губами, нахмурился и промолчал. И это человек, чье слово для Государя на протяжении десятилетий значило так много! Чьей милости искали и боялись гнева! Он хотел было что-то ответить, но его губы и щека задрожали.

– Что вы сказали, милорд?! – взорвался стоявший тут же князь Осоргин. Он смотрел на английского посла так, ровно не мог и не желал поверить услышанному.

– Я сказал, что сказал, – отрезал Уолпол. – И мы ждем от господина Румянцева ответа!

– А я хочу, чтобы вы тотчас извинились перед его сиятельством, милорд, и убирались вон! – тихо, но грозно отчеканил Алексей.

Уолпол ничего не ответил, даже не посмотрел в его сторону. С завидным хладнокровием английский посол по-глаживал сухими пальцами тщательно выбритый подбородок и не спускал глаз с канцлера.

Взбешенный Осоргин шагнул, загораживая Румянцева.

– Вы хам и наглец, господин Уолпол! И лучше поостерегитесь. Это чужая для вас страна. На вашем месте я бы убрался восвояси.

– Мы каждый на своем месте, князь. И я не уполномочен ее величеством Королевой Англии говорить с вами...

– Я вызываю вас на дуэль. Господа, вы свидетели! – громогласно заявил Алексей. – Оружие любое, на ваше усмотрение, сэр.

– Князь, ради Бога, спокойнее!

– Такой скандал!!! Вы с ума сошли, господа!

Капитана Осоргина плотным кольцом окружили друзья, насели разом. В глазах мелькал страх.

– Это же гибель, Алешка! Конец карьеры! Да что там, каторгой пахнет!..

– Не тратьте нервы, джентльмены,– Уолпол остро кольнул взглядом князя и со злой усмешкой подлил: – Он просто пьян, это часто бывает с русскими... А с вами, граф,– английский посол многозначительно поднял указательный палец на уровень бровей,– мы будем говорить в ином месте, и очень скоро. Очень!

После сих слов дипломатический корпус поспешно покинул бал. Но ядовитое семя было брошено. Шепотки и кривотолки зазмеились по Аничкову дворцу.

В игорном зале все волновались, обхаживали враз постаревшего канцлера. Ждали ответа от старика, но Николай Петрович был настолько фраппирован, что так и не смог вымолвить ни слова.

Кто-то, с лицом холодным и чужим, шепнул:

– Это конец графа...

Друзья довели Румянцева до кареты. Кусавший в бессилии губы Осоргин вызвался проводить любимого наставника, но тот категорично выдохнул:

– Завтра в двенадцать в моем дворце! – потом обнял Алексея, как сына, поцеловал в лоб и сказал с близкими слезами: – Благодарю, голубчик, благодарю. *Mais notiz bien*³, князь, ваша жизнь для Державы дороже, чем смерть от пули этого «джентльмена».

---

³ *Mais notiz bien* – запомните хорошо (фр.).

Глава 3

Беда не разминулась с Николаем Петровичем, не помиловала. Канцлер Александра I был ранен английской «пулей» в самое сердце. Не думал, не гадал он, что за всю свою добродетель во славу Отечества узрит под старость лет позор, услышит клевету и умоется болью душевною.

В карете было студено, но граф задышался от жару: душа обида, стягивала горло до слез, до внутренней корчи.

«Господи Святыи, за что Твоя кара небесная?.. Вся жизнь, как один день, в заботах и трудах праведных на благо, и... – Румянцев смахнул слезу, – теперь я канцлер на глиняных ногах».

Взламывая тяжкие оковы случившегося, Николай Петрович не мог поверить, что лорд Уолпол, без году неделя ходивший в послах, сам на Рождественском балу рискнул бы идти ва-банк.

Хотя с истинным раскладом вещей граф в спор не лез: отношения у него с британцами были, как у лinya со щукой. Он ненавидел англичан, испокон веку привыкших на чужом горбу в рай въезжать.

Верно и то, что характер у Румянцева непросто было назвать легким, да и не ударялся он в гадкое низкопоклонство пред иностранщиной: грех для россиянина смертный; прицелы у министра иностранных дел были всегда дальние, если не сказать великие.

Мыслил он под десницей царской да волей Божьей вывести Россию в самопервенствующую державу; увеличить без счету торговые компании с миллионными оборотами; завести крепкие службы и конторы по всему белу свету, да такие, что способны дела в Европах ворочать на радость Отечеству, на зависть врагу.

В этих мечтах-помыслах высоко взлетал канцлер, полет пониже давали реалии жизни. Однако и при сем «полете» строй славных дел его был красен.

Более всего Николай Петрович страдал душой за дело Российско-Американской Компании. Дело это давалось кровью немалою, но потомкам обещало урожай сказочный. Виделось поэтому Румянцеву, что истое поприще его распаивается не здесь, а там, за океаном, на новорусской земле Америки. И не случайно, растрогавшись как-то в личной беседе с американским послом Адамсом, он откровенно заявил: «Я могу сказать, что сердце мое с Америкой, и ежели б не мой возраст и болезни, право, я непременно уехал бы в сию страну».

Карета незаметно докатилась до Румянцевского дворца, что недавно отстроился на Англицкой набережной в близком соседстве с особняком Фонвизиных. Была оттепель, и лошади, вспаренные бойким ходом, никак не стояли, ровно изноровил их кто-то: скребли копытом, били взадки, дергали карету, метая из-под колес комья хлюпистой снежной каши.

Граф, насилу выбравшись из салона, едва не оскользнулся, отпустил Степана и, отряхивая шубу, брезгливо морщась на забрызганные туфли, поспешил в дом.

Николай Петрович потомства не имел – все как-то недосуг было семьей обзаводиться: груз дел государственных гнул плечи, да, видно, и стрелы Амура пролетали мимо. Словом, время для свиданий не выгадывал и «азбучные» мушки на лицах прелестных кокеток не вычитывал.

* * *

Весь окостыженный и продрогший, гневный, но при этом и потерянный, он до смерти перепугал дворцового и прочую челядь.

Вторгшись при шубе в свой кабинет, канцлер приказал греть воду и долго после того оттаивал в кипятке.

На предложение прислуги попить перед сном индусского чаю с коньяком буркнул отказом. В парчовом халате на обнаженное тело, сердито шлепая «басурманками», Румянцев торопливо прошел в опочивальню.

Просторная, затянутая в шелка, она была залита холодным без теней лунным светом. Старик подошел к большому окну. Мысли сбились в темный ворох и куда-то пропали. Он бессознательно стоял у окна, за которым пустынно белела уснувшая подо льдом Нева, закованная по его, канц-лерской, воле в гранит.

В сизой пористой мгле проглядывало могильное лицо луны. Порыв ветра тупо шлепнулся о стекло, завертелся, застонал, потом рванул и понесся далее гроыхать железом крыш, завывать в печных трубах, наполняя петербург-скую ночь тревогой и неумемной тоской. Николай Петрович невольно поёжился, зябко кутаясь в теплый халат, оторвал задумчивый взгляд от ночного города и, забыв затворить бархат портьер, забрался в постель. Уткнувшись в пухлую белизну подушки с валансьенскими кружевами, он еще раз сказал себе: «Нет, голубчик, сие дело – не рождественский выверт лорда Уолпола. Слаб, да и слишком уж осмотрителен английский посол для таких фарсов в одиночку. Кто-то стоит за ним, но кто?» Он окунулся памятью в двенадцатый год, в декабрь месяц, когда Ливен⁴ возобновил разговор о миротворческом посредничестве России. Градус беспокойства в Петербурге в те дни был велик: Англия вновь пыталась ловить рыбу в мутной воде. Свалив все тяготы войны с Францией на плечи русских и ограничившись жидким ручейком фунтов в их карман, она сама судорожно угуцала свои штыки и пушки за океаном. Потеря колоний в Америке виделась ей экономической петлей.

Однако великодержавную Россию, способную под громовое «ура-а!» на свой манер «причесать» Европу, заботило иное: уж больно весомые торговые обороты велись с американцем, и эта война, что тлен, грозила гибелью...

Британцы, зная мнительность Александра, свалили все на конгресс США, дескать, республиканские варвары зело упрямы, тупы и неуступчивы, голосу разума их не внем-люют, миру не жаждут.

Но в мае 1813 года стало доподлинно известно от графа Дашкова⁵ о горячем желании правительства США россий-ского посредничества при заключении мира с Англией. В Петербурге многие уже плыли в улыбке и отпускали экивоки в адрес туманного Альбиона: «... вот, мол, не всё коту масленица...», или: «тужился английский лорд соседу яму копать, ан, сам угодил с головой...» Английский канцлер лорд Кастльри сумел-таки бросить ложку дегтя.

О! Румянцев хорошо был осведомлен о сем человеке. Красные панталоны и синий с золотом камзол по моде века минувшего были визитной карточкой коренастого ирландца. Убежденный консерватор, оранжист и протестант, он когда-то, если верить молве, отчаянно влюбился в дочь рыбака и дрался за нее, точно древний викинг, с топором в руках... Меттерних⁶ говорил о нем: «Мы с ним так близки, словно провели вместе всю жизнь. Он невозмутим, рассудителен и сердце у него на правильном месте; это настоящий муж с холодной головой на плечах». Да, так говаривал австрийский канцлер, но с ним, увы, не мог согласиться русский. Румянцев же зрел в лорде Кастльри лишь опытного дипломата, одного из тех ловкачей-политиков, которые способны обещать построить мост там, где реки нет, убедив при этом, что строить надо.

Так вот, когда у всех перехватило дыхание в ожидании долгожданного мира, этот «викинг» без обиняков заявил Ливену об отказе Великобритании от высокого посредничества России. Но тут же, с оглядкой, было добавлено: «Англия нос не воротит, губ не поджимает и готова в Лондоне вести переговоры с Соединенными Штатами». Шаг сей, конечно, был сде-

---

⁴ Ливен – посол России в Лондоне.

⁵ Дашков – консул России в Вашингтоне.

⁶ Меттерних – канцлер Австрии.

лан не из мирвольческих чувств к республиканцам, а лишь для того, чтобы притушить гнев русского медведя...

Увы, на все возмущения своего канцлера в заговор англичанам его величество озарил Николая Петровича всеизвестной улыбкой и промолчал...

Румянцев давно уяснил: молодой царь бывает откровенно зол лишь раз в году, но непредсказуем семь раз в неделю, особенно когда излучает приветливость и ласку. И правы те, кто говорил: «...он тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская».

Глава 4

Старик Румянцев растер дряблую грудь, он дышал отрывисто и жадно. Лицо и тело покрывал холодный, липкий пот. Воспоминания громоздились хмурыми тучами, прогоняя сон, вызывая молитву.

– Пресвятая Богородица, спаси и помилуй, облегчи удел мой... – шептал Николай Петрович. Невидимый сквозняк заскрипел дверьми, Румянцев трижды перекрестился, глядя в широко открывшийся проем, и под сердцем его заворочался холод: золоченые двери напоминали пасть, готовую изжевать его, стоит лишь вновь предаться воспоминаниям.

Дворец спал, потухнув очами-окнами, но графу казалось, что где-то в дальних покоях скрипучий голос ярко-красного лорда Уолпола издевательски выкрикивал: «Черт возьми! Где этот хитроумный лис?!» Спина графа съезжилась от холода, однако он выбрался из-под теплого одеяла, плотно закрыл дверь и оживил двупалый шандал. Пламя замигало и вытянулось шафрановыми язычками, похожими на лезвия ножей.

Стояла такая тишина, что Николаю Петровичу почудилось, будто он слышит шорох туч, обложивших небо, и само дыхание петербургской ночи, которая с легким свистом вы-плевывала в черные стекла окон сыристые хлопья снега.

Он лег и, когда согрелся под щитом одеяла, на душу мало-помалу снизошло успокоение. Прищутив глаза, граф смотрел на живые лепестки пламени, а память упрямо требовала возврата к горькой череде последних событий.

Лязгал оружием 1813 год. Месяц спустя после освобождения Варшавы и триумфального вступления в Берлин Александр со своим пышным штабом прибыл 15 марта в Бреслау. Там он изволил встретиться с Фридрихом Вильгельмом.

Тем временем Наполеон одерживал одну за другой победы при Моцене и Бауцене. И вновь запотели лбы, в ход пошли нюхательные соли.

По предложению императора Австрии в Плесвице было подписано перемирие. В это же время стало известно о прибытии американской миссии в Санкт-Петербург.

22 июня Румянцев поспешил информировать американского посла о досадном отклонении Англией русского посредничества. Нет слов, лучезарный Адамс приуныл от британского непотребства...

Однако Николай Петрович плечами не сник, не ленился перо опускать в чернила и пылко убеждал в эпистолах Государя, чтобы его величество продолжал все возможные посреднические усилия, не оставляя без опекуна молодых и зеленых республиканцев. Но Александр, испытывая груз немалый со стороны Англии, находясь под чарами своего англофильского окружения и, в частности, графа Нессельроде⁷, колебался. 6 июля он осчастливил канцлера короткой запиской: «Я полностью одобряю Ваш взгляд на вопрос о посредничестве и уполномочиваю Вас действовать соответственно».

Тут же, на одном кругу, получив срочную депешу от Ливена о решении Лондона вести прямые переговоры без России, Государь предписал Нессельроде изложить английской стороне, что-де не будет настаивать и в сердце обиды не примет...

Этот шаг был тоже понятен Румянцеву: Император столь мягко стелил оттого, что со дня на день должна была состояться ратификация Британской конвенции о предоставлении России денежных субсидий. А кто ж откажется, запустив руку в карман, вынуть ее полной золота!

---

⁷ Нессельроде, Карл Васильевич, граф (1780–1862) – после отставки Румянцева был назначен Императором канцлером. Принимал участие в Венском, Ахепском, Троппауском, Лайбахском и Веронском конгрессах; всегда подчинялся влиянию Меттерниха и относился с ненавистью к освободительным идеям.

21 июля американская миссия прибыла в Санкт-Петербург и была представлена канцлеру. Его величество Александр I в это время пребывал в ставке, и Румянцев, духом не ведая о принятом Государем решении, руководствуясь августейшими напутствиями, в середине следующего месяца официально сообщил Лондону о возобновлении преданного забвению посредничества.

Американцы переговоры готовы были вести где угодно, только чтоб с толком, да при России в роли третейского судьи. Англичане засуетились. Пушки да штыки, при посредничестве России, могли быть в их американских колониях как мертвому припарка.

Достопочтенный лорд Уолпол теперь красно не глаголил. Он немедленно вручил графу Нессельроде ноту об отказе. И настоял передать американской миссии предложение избрать Лондон для переговоров.

– Да, все так и было, – тихо сказал Николай Петрович в ночь и тыкнулся по-стариковски колючими локтями в перину. Глаза запали, морщины стали глубже. Он со вздохом перевернулся на правый бок и с горькой обидой подумал: «Пожалуй, в отставку пора, уеду в свой милый сердцу Гомель и займусь делами науки... Стар я стал... для политической узды, да и для молодого монарха, что палка в колесе, раздражение одно, зубная боль...»

Однако твердое осознание того, что лорда Уолпола научили ядовитым речам, поднимало Румянцева в бой. Уж недалече был рассвет, а он всё ворошил и ворошил бывшее, точно угли в камине, и искал: кто, кто стоит за всем этим...

При дворе у канцлера было завистников, что у сапожника медяков в кармане. «Возможно, обер-гофмейстер Кошелев – клязник, уже очернивший его в одиннадцатом году гнусным доносом с политическим душком. А может...»

«Нет, сие исключено...» – Николай Петрович отмахнулся, вновь напрягая память. Но догадка выходила скверная: Государь, по всему знавший ответ англичан, не только не сообщил ему, своему канцлеру, о британской ноте с решительным отказом, но отписал подряд три письма, одоббив его миротворческие дерзания, тем самым поставив, мягко говоря, в двусмысленное положение.

В Лондоне Ливен остерегся вручить румянцевскую ноту, видя и понимая всю противу ее величайшей воле Императора. То было в сентябре. А в ноябре...

Граф ощутил торжество открытия: «Дьявол! Ну, конечно же, это он! Новый фаворит Александра, статс-секретарь граф Нессельроде! О, Матерь Божья! Как же сразу ужа не разглядел?» – заключил он и застонал.

Старика знобило.

«Всё верно. Это он, колченогое иудино семя, зная, в каком переплете я оказался, тихой сапой выставил меня старым лисом и болтуном, приказав Ливену передать заведомо фальшивую ноту». Николай Петрович скрючился под одеялом в тесный комок и лежал, потерянно глядя на прогоревшие свечи. Всё было ясно, как день: его умело подставили и он должен уйти, как в свое время князь-неудачник Гагарин, подававший, к стати, надежды премногие...

Граф брал умом: нужен заступник, и какой!.. Раньше за покровительством к нему шли на поклон, а нынче самого подвели под монастырь... Старик тяжело охнул. Во рту стало сухо от пронзительной горечи. Он хотел было крикнуть прислугу, но испугался своего голоса: тонкого, будто зудение осы, и слабого.

Начиная с одиннадцатого года, положение графа при дворе оставляло желать лучшего. Единственное значительное лицо, с коим канцлер не прервал добрых отношений, был граф Аракчеев⁸ – личность неоднозначная, знаменитая. Румянцев особенно проникся к его сия-

---

⁸ Аракчеев, Алексей Андреевич, граф (1769–1834) – близкий друг императора Александра I; имел большое влияние на внутреннюю политику России (в духе крайней реакции); с 1808 г. военный министр; основатель военных поселений. В 1826 г. вышел в отставку; оставил о себе самую печальную память своей непреклонностью и жестокостью.

тельству, когда тот, имея трезвый ум, сам уступил военное министерство Барклаю де Толли, пользуясь, однако, личным доверием Государя. Аракчеев остался на коне и имел преогромный вес во внутренних композициях Державы.

Вот, пожалуй, к кому имело смысл обратиться за помощью, да только чувствовал Николай Петрович: не ко двору придется министру внутренних дел его ходатайство. Ведь и у того дрожала земля под ногами: ненависть к нему в свете росла, что пламя в лесу... «И все-таки ждать от него протянутой руки? Нет...» – граф скорбно покачал головой. Служба государственная дружеской выручке не потатчик, напротив, скорее способствует быстрому увяданию сего похвального чувства. Он нетерпеливо перебрал еще с десятков важных имен; увы, канцлер по-прежнему упирался лбом в стену, имя которой – граф Нессельроде.

Лишь он мог повлиять на решение Александра, этот ловкий жид-полукровка – небывалый пример того, сколь слепо счастье липнет к ничтожеству. Как казалось Румянцеву, да и не только ему, было в новоявленном заморском фаворите что-то от помеси рака и зайца. Манеры его заключались в хозяйской походке и наглom взгляде. Был он силен чужим умом, нескладен, мал ростом, но при этом не чурался выставлять напоказ свои физические «достоинства», когда появлялся во время утреннего выхода в окружении полдюжины атташе с адъютантом в придачу.

Сего человека, исповедовавшего протестантизм еврейки и католицизм немца, пять раз менявшего подданство, рожденного на испанском галеоне у берегов Португалии, крещенного в часовне английского посольства в Лиссабоне, воспитанного в Германии, так и не сумевшего грамотно говорить и писать по-русски, Румянцев, увольте, принять не мог. Да и как мог наделить дружбой русский граф того, кто совершенно чужд Отечеству? Впрочем, сам Нессельроде, в общении глухо застегнутый на все пуговицы, случалось, в салоне за рюмкой-другой английского джина развязывал язык: «Я имею счастье, господа, любить всякую выпавшую на мою долю службу». И то верно, новый друг Императора готов был хоть лоб расшибить, лишь бы скакнуть на ступеньку-иную успеха повыше.

Космополит не только по рождению, но и по сути, Карл Вильгельмович Нессельроде превыше иных племен почитал-таки арийское. О немцах-колбасниках он с благоговением говорил: «Господь Бог после сотворения мира, на шестой день, даже не отдохнув, принялся за создание человека; и первый, кто вышел из-под длани Его, конечно, был немец». О русских он предпочитал молчать, а если и случалось, то бросал, брезгливо дергая крючковатым носом: «Бывает – редко и среди них встречаются любезные люди; но признаюсь, когда я нахожу умного русского, я, право, полагаю: ах, как жаль, что он не родился в Пруссии...» Или того откровеннее: «Полноте, я не знаю этой страны, и мне безразличен грязный и темный русский народ. Я служу не народу, а лишь короне моего повелителя».

Николай Петрович туже подбил одеяло под ноги. Истопники печи напрягали исправно, однако новый дворец прогреться не думал, был холоден и сыр, что замок Святого Михаила. Вспомнив о Павле, канцлер почему-то вспомнил и его дикую кончину в ту ледяную ночь 11 марта 1801 года...

Так кончил Павел, а что уготовил Фатум ему?.. Граф поглядел в предрассветную хмурь с тяжелым, разлапистым хлопьем снега и содрогнулся... Точь-в-точь, как тогда, и снег тоже валит... Не для того ли, чтобы набросить белый саван и на его труп?

Впрочем, старший сын убиенного казнить людей пристрастия не имел, зато любил травить негодных тонко, со вкусом, точно охоту на зайцев вел. Молва шептала: «Его величество мягок душой, у него и кнут на вате».

Румянцев еще раз растер грудь, шею: ощущение скользкого и холодного царского кнута словно уже впечаталось в его плоть, и, надо признаться, мягким он ему не казался.

Глава 5

Князь Осоргин, тускнея лицом, поднялся с кровати. Глянул в зеркала, сделав кислую гримасу:

– Эх, жизнь!..

Свои желания и порывы ему приходилось ломать с болью... Так-таки никакой зацепки; пора, пора, на Англицкую набережную: его сиятельство ждать не привык! Румянцев характером крут, да и он сам не любитель опаздывать.

Протянув руку, Алексей подхватил с консоли у кровати платье – от него еще неуловимо пахло туманами духов и медовыми чарами проведенной ночи.

В комнате прозрачным золотом догорали свечи, но из-за бледной хмури рассвета точечная мебель и гобелены уже не казались ему столь таинственными и манящими. Со сладкой горчинкой в душе капитан оглянулся. Там, в альковной нише, молчала резная кровать – широкая, покрытая узорчатым атласом одеяла, с красивым зонтом балдахина, обтянутым китайским голубым шелком.

Он улыбнулся, замедляя бег своих сильных пальцев по петлицам мундира. Память настойчиво бросала его с головой в ночную прохладу снежно-белых простыней, где поцелуями они пили друг друга, переливая страсть, где прикосновения были желанно-долгими... Где он внимал биению ее наготы, а она горячо прислушивалась к пульсу его жизни, бессильно и бессознательно уронив в кружева свои руки, словно срезанные цветы...

– Я не помешала? – леди Аманда Филлмор, в струящихся черных одеждах, подошла к креслу с золочеными ножками и подлокотниками в виде львиных лап. Движения были грациозны, с тягучей ленцой.

Ее прекрасное лицо путали тяжелые пряди неуложенных светлых волос. Черное шло ей не менее алого и голубого. В нем она казалась еще более утонченной, чем в ярких нарядах, которые имела обыкновение носить.

– Нет, дорогая! Просто спешу. Увы, к двенадцати меня ожидает граф, – Алексей ловко покончил с последней пуговицей, привычно пристегнул шпагу и порывисто подошел к ней. – Я обязан...

– Обязан? – глаза с томной поволокой вспыхнули обидой. – Ну вот, теперь я вижу, что точно помешала. Вы «спешите», князь.

Офицер развел руками.

– Ты опять сердисься, *ma chère*?⁹

– Я никогда не сержусь. И заметьте, князь, – леди печально вздохнула, – у меня королевское терпение.

И сама, без горничной, взялась расчесывать гребнем волосы.

– Вот так и кончается все, – задумчиво глядя в зеркало, где отражалась его статная фигура, она закрыла рот блестящей прядью. Обнаженные плечи слегка вздрагивали.

– Кроме вас! – Осоргин припал на одно колено, склонил голову и поцеловал ее руку. – Ты согласна со мной, Аманда? Не молчи. Ведь правда, мы еще будем вместе?

Она нежно провела пальцами по густой шапке его волос.

– Выпей со мной, – не дожидаясь ответа, леди Филлмор наполнила токайским узкие фужеры и протянула один капитану.

Тот нервно взглянул на часы: стрелки молчаливо грозили уже одиннадцатью. «Черт с ним, полчаса еще есть, успею».

Аманда подняла высокий фужер:

---

⁹ *Ma chère* – моя дорогая (фр.).

– За тебя!

– За нас!

Брызнул хрустальный звон. Князь залпом выпил вино.

– Значит, все-таки покидаешь меня?

– Дела исключительной важности... Я должен буду... – спохватившись, он прикусил язык.

– Боже! Ты такой возбужденный бываешь, только ко-гда крупно выигрываешь. Отпусти, – она высвободила руку из его ладони, отставила фужер. – Ты пугаешь меня. Я хочу знать правду. Что случилось? Почему так неожиданно и такая спешка?..

Лицо англичанки напряглось, тонкие ноздри затрепетали.

Он, все еще на коленях, упрямо молчал, любуясь изящной линией талии, длинными скрещенными ногами, очертания которых явственно угадывались под шелком пеньюара.

– Алеша, прошу тебя!.. – влажные глаза смотрели на князя. В них читались и молитвенное обожание, и такая земная любовь к этому блестящему морскому офицеру, баловню судьбы, пред которым в столице, да и в Москве, открывались многие двери...

– Что ты все время молчишь? О чем думаешь? – она вдруг погасла.

Осоргин был неподвижен и строг.

– Я хотел давно поговорить с тобой, – он поднялся с колен, одернув китель. – Но это трудно... Аманда, ты просто должна доверять мне, понимаешь?

– А почему ты не доверяешь мне? – щеки леди тронул румянец, на длинных черных ресницах заросились слезы. – Я знаю, что люблю тебя, знаю, что ради тебя даже готова стать православной, но не знаю, кто ты?! Что ты? Почему всё держишь в секрете? Скажи правду...

– Даже если бы она разлучила нас?

– Это так? – белые пальцы поймали его руку.

Алексей не отнимал ее.

– Нет. Но может ли человек загадывать? – он покачал головой.

– Только Господь ведает, что уготовила нам судьба.

Часы с вкрадчивой мягкостью напомнили о времени. Князь дернул плечом, как от мухи, но тотчас встал с канапе, играя золотом эполет.

Она поднялась следом, на щеках ярче зарделись алые пятна, губы покорно приоткрылись.

Алексей осыпал поцелуями ее глаза, лоб, щеки, губы и шею, а когда, наконец, оторвался, Аманда едва стояла на ногах. Он тоже прерывисто дышал, но, посмотрев в лицо любимой, одарил ее светлой улыбкой и твердо сказал:

– До встречи.

* * *

До кареты, ожидавшей у парадной дома Нессельроде, князя Осоргина проводил «аршин проглотивший» лакей. В белых чулках и золотой ливрее, пестро, до рези в глазах расшитой галунами, он источал английскую непробиваемость чопорно поджатых губ и самомнение сонных глаз.

Алексей, с бобровой шубой внакидку, опустился на мягкую седушку.

По глазам заморского холопа, который натирал его взглядом, что щетка паркет, офицер подумал: «Этот жук знает, почем фунт лиха! Ишь, как смотрит на шубу – не иначе по чинам раскладывает, подлец! Холоп – он и в Англии холоп!»

И то верно, шубы «чины имели». Ежели с крупной сединой мех – для тайных советников да полных генералов. Где бобрового серебра толику поменьше – тот для действительных статских и генерал-майоров. «Ну а уж где крохи, как у меня, либо совсем без седого блеску, – то статским советникам и старшим офицерам. Ни енота, ни даже спелую лису этот басурман и в грош, поди, не ставит – привык, видать, дело иметь со зверьем покрупнее».

– Вам записка... – в карете пахло дорогими, милыми сердцу духами. Алексей сунул розовый конверт в перчатку.

– Ответ будет, ваше сиятельство?

– Нет.

– А на чай?

– Тем более. Российским языком брезгуешь, шельма, а на чаевые губу раскатил! – уже по-русски, в сердцах, отрезал Алексей и захлопнул дверцу перед вытянутым лцом. – Ко дворцу графа Румянцева, жги! Опаздываем, Прохор! – крикнул он через оконце в заснеженную спину ямщика.

Глава 6

В миниатюрном конверте покоилась любовная запис-ка, всего три слова, но каких: «*J'aim, espere, t'attende!*»¹⁰

Каждое из них князь поцеловал в отдельности, радуясь, что в карете он был один, и положительно никто не зрел его глаз, так как в них легко читалась известная смесь страха и надежды...

Бусогривые орловские рысаки, вычесанные скребницей на масляных крупах в щегольскую «бубновую шашку», шли бойким наметом.

Проخور, подбитый морозцем, застуженно «нукал», на совесть возжал лошадей в угоду барину и скорому горячему чаю с мясным пирогом, коим уж непременно попотчуют на конюшенном дворе графа Румянцева, и строжился: «Ну и мороз: плевок стекляшкой по мостовой бренчит!»

Алексей привалился к дверце. Только сейчас он почувствовал, как продрог, и уже без куража запахнулся покрепче шубой. Холод в карете стоял, что на улице. Тончайший, сверкающий глянцем хром сапог ноги не грел. Пальцы сделались словно гипсовые, икры и бедра покусывал холод: забирался в рукава, за воротник, стягивал кожу студеными мурашками и ужом полз по телу.

За цветным оконцем вьюжил снежок, мелькали дома и люди, чугун мостов и бравая «вытяжка» заиндеветших фонарей. Столица вяло, подобно бурлаку, тянула лямку делового дня. Она вздыхала, любезничала, ругалась, потела и мерзла, оглашая свое пасмурное чрево храпом лошадей, стуком каблуков акцизных¹¹ и звоном колоколец в приемных.

Народ на улицах, серый, что мокрицы, расползался кто куда, некоторые кривыми гвоздями жались у ямских пристаней, нервничали, стучали зубами в ожидании лениво тащившихся крытых саней; когда последние прибывали, люди заскакивали в них на негнущихся, одереветневших ногах и уезжали, тая в промозглых лабиринтах города.

Хлыст Прохора застрелял чаще, карету пару раз дернуло: кони подзамялись на схваченной ледком мостовой, взялись недружно, но в следующий миг снег под полозьями взвизгнул шибче, и карета полетела вдоль гранита Невы.

Угревшись теплом шубы, Осоргин предался любезным воспоминаниям. Аманда... Он был пропитан ею, как парус морской солью.

* * *

Леди Аманда Филлмор объявилась в Санкт-Петербурге под осень, когда листья дубов и кленов Летнего сада завершали свой век, кружась и падая на темное стекло Лебяжьей канавки.

«Кто она? Откуда? Зачем?» – об этом мозолили языки в каждом салоне. Ровным счетом никто не ведал о существовании леди Филлмор, и вдруг... ее видят во дворце Юсуповых на Мойке, у Шереметьевых на Фонтанке, в салоне у Воронцовых на Садовой... «Да Боже мой! Вполне довольно оказаться меж первых двух фамилий, чтоб имя простого смертного уже стало бессмертным... А она?.. Однако, господа, однако!»

Она была неотразима и тотчас заметна. Ее изумительные платья из атласа, шифона и шелка, ее прическа, уши, шея и руки, искрящиеся бриллиантами, были вершиной изысканности и совершенства. Многие, очень многие дамы кусали губы, полагая, что их туалеты по-азиатски тяжелы и вульгарны в сравнении с загадочной англичанкой.

Манеры ее были под стать нарядам: изящны, в меру беспечны и строги. На приемах она легко говорила, но более расточала улыбки, полные обескураживающей снисходительности и

---

¹⁰ *J'aim, espere, t'attende!* – люблю, надеюсь, жду! (фр.).

¹¹ Акцизный – чиновник.

той учтивости, которой взрослые одаривают детей. И многие умудренные мужи тушевались, как лицеисты, вставали в тупик и, глухо раскланиваясь, бранились в душе:

«Вот чертова баба! Свяжись с ней... попадешь как кур в ощи!»

С каким умыслом на берегах Невы леди Филлмор, никто не знал. Сама она отвечала просто: «Хочу посмотреть снега России, которые погребли великую армию Голиафа»¹².

Однако, в салонах спорили до пота:

– Бьюсь об заклад: она фаворитка Великих Князей! –и тут же «на ухо» журчало имя.

– Вот как! Первый раз слышим! Но это колоссально! Пирамидально!

– Ах полноте, сударь, время и стыд иметь! Суть надо знать, а уж потом «вокать»! Лучше меня послушайте, нынче-с провел время меж двух высокопревосходительств... признаюсь, сердца наши с графиней разбиты, но справедливость неумолима: с миссией она, господа, у нас, с миссией... Так сказать, невеста с приданым – засланная птица. Тсс!

– Однако!

– И по всему, секретная.

– Ей-ей, последние крохи собрал, из первых уст, так сказать...

– И что?

– А то, что остановилась она во дворце графа Нессельроде. Самого нет – в ставке с Императором... При ней компаньонка. Та тоже, шепнули, не из простых... Но это не суть, перво-статейно другое: по всему, сия пташка завязана в узелок с лордом Уолполом. Слыхали, надеюсь, о таком?

– Новый посол Англии у нас в Петербурге? Тот, что сменил Катхарта?

– Он самый, господа...

– Вот так игра!

Однако, эта досужая болтовня оставалась за ширмой курительных комнат да душных спален... На поверку все были влюблены в леди Филлмор, боготворили ее и втыкали записки в шоколадные пальцы посыльных арапчат: *«Премного просим... премного будем рады... ежели вы соблаговолите осчастливить наш дом...»*

«Викториями» Аманда не пренебрегала, но при этом всегда ограждала себя удивительными шорами английского такта. Была мила, но учтиво сдержанна с тем «звоном шпор», что силится наскочить в знакомстве поближе, пока судьба не свела ее с синеглазым князем Осоргиным. Флотский офицер, капитан Алексей Михайлович Осоргин, служивший при графе Румянцеве, жил неподалеку от Фонтанки в славном особняке, где на каждом шагу ласкала око роскошь, но не скороспелая, а та особенная, с глубокими корнями, коя дается не «бешеным выигрышем», а «наследственным червонцем», переходящим из поколения в поколение. Единый сын в семье, он во главе грядущего наследства имел повадку широкую и гордую, но более того пылкую, любящую свободу.

В столице жизнь Алексея была бурной, кипучей, но силы и нервы тратились трезво, во славу Отечества; болел душою капитан за дело Румянцева, начатое еще незабвенными Григорием Шелиховым¹³ и камергером Николаем Резановым¹⁴, был предан ему без остатка, до мозга костей.

---

¹² Голиаф – буквально: имя филистимлянского великана, убитого царем Давидом. (В данном случае – одно из прозвищ Буонапарте).

¹³ Шелихов, Григорий Иванович (1747–1796) – основатель торговой компании, позднее переименованной в Российско-Американскую Компанию. Колонизировал в пользу России о. Кодьяк осенью 1784 г. и проживал там с зимовщиками до весны 1786 г.

¹⁴ Резанов, Николай Петрович – видный деятель русско-американских компаний. Будучи генералом и имея звание действительного камергера, был назначен не только чрезвычайным посланником к японскому двору, но и начальником всей первой русской кругосветной экспедиции при участии капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна. Резанову также принадлежит идея создания русской колонии в Верхней Калифорнии.

Зван на балы бывал часто, но выезжал «в год по обещанию», еще реже принимал у себя, как приговаривал сам: «Каюсь, други, до времени жаден стал; прошли деньки, когда табак переводили, да шпаги совали в пунш».

И не капризы то были: дел у Российско-Американской Компании открывался край непочатый!

Но в сентябре случилось ему оказаться на балу у мецената Строганова, куда помимо иной знати приглашена была и американская миссия. Птенцов гнезда Вашингтона он видел и ранее – послы давненько, с июля, топтали мостовые Санкт-Петербурга в молитвенном ожидании решения его величества Александра.

Крепкий и свежий был сей народец, но шумный зело, под стать морской птице. Злые языки жалили: дескать, янки грубиянством полны, расчески в кармане не носят и не знают, в какой руке вилку с ножом держать. Однако на деле оказалось иначе: все знали – американцы не хуже других, а во многом и поравняться на республиканцев было не грех. От одного морщился Осоргин: уж больно горластые были «просители», перекликались во все горло, точно в лесу, трескали друг друга по плечам при встрече, трясли руки, будто оторвать хотели, и оглушали взрывами хохота.

Именно там, у Строгановых, князь впервые увидел леди Филлмор, и...

Он никогда еще не танцевал так ни с одной из своих пассий, как в ту ночь в банкетном зале у старого графа.

Музыка и ее глаза, блеск зеркал и ее волосы, тысячи свечей и ее грация околдовали князя, подчиняя ноги танцу, а душу – желанию быть непременно с ней, непременно долго, хоть до утра, хоть...

Когда отзвучал последний такт и раздумывавшаяся анг-личанка, опомнившись, хотела сделать реверанс, он придержал ее локоть и тихо молвил, прилично склонившись к уху:

– Прошу, не покидайте меня, мисс. Умоляю, продолжим. Вы – само совершенство! Котильон¹⁵ тоже мой!

И вновь они закружились, прекрасные, как юные боги. Ноги, казалось, существовали помимо них и, раз начав, без устали исполняли с детства заученные движения. И все же Аманда высказалась:

– Вы слишком настойчивы, князь. Так не принято.

– Однако, сие волнует и вас, и меня? – парировал он.

– Но мы не одни... – она не давала покоя пышному страусовому вееру. – Вы должны знать приличия, князь.

– Гости тоже, – офицер не отрывал от нее глаз.

– О Боже, к нам идут!

– Всех к черту! – рука Алексея легла на ее талию.

Задиристо грянула мазурка, и Осоргин, сверкнув веселой улыбкой, сильным поворотом увлек ее в танец.

* * *

Минула неделя, следом другая, третья...

И они встретились вновь, все так же случайно, но теперь у Синего моста, что был перекинут с груди Исаакиев-ской площади на другой берег Мойки. Алексей возвращался из правления РАКа¹⁶ домой, когда услышал знакомое, теплое, женское, с акцентом:

---

¹⁵ Котильон (фр. cotillon) – танец времен Людовика XIV; состоит из нескольких фигур, выбор которых зависит от танцующих. Сперва танцует одна пара, а другая повторяет то же самое. Отличается игривостью, темпом и весельем.

¹⁶ РАК – Русско-Американская компания. Открытие северо-запада Америки Берингом и Чириковым привело впоследствии к заселению Аляски и Алеутских островов русскими охотниками, зверобоями и промышленниками и присоединению этих огромных территорий к владениям Российской Империи, что, в свою очередь, привело к основанию знаменитой Российско-Американской компании (РАК). До образования РАК, получившей монопольные права на этих территориях, на

– Вы так невнимательны, князь.

Он оглянулся и увидел ее. Аманда, прищурившись на редком осеннем солнце, сидела в лаковой коляске «визави» с открытым верхом и поигрывала упругим стеклом. И опять его покорила ее уверенная, изысканная красота.

– Вы! – он порывисто подошел и, коснувшись губами ее прохладной перчатки, замолчал, чувствуя, как перехватило горло, как вспыхнуло в груди и стало горячо и волнительно.

– Я тоже рада, что снова вижу вас... Хочу надеяться, не в последний, – в голосе ее были надежда и ожидание.

– Господи, где вы были, мисс? Я с ног сбился! Искал вас... но...

Она тихо рассмеялась, игриво наклонив голову:

– А вот! Не надо было меня терять, – поправила лазоревые ленты «кибитки»¹⁷ и распахнула изящную дверцу коляски. – Садитесь, места довольно на двоих. Я подвезу вас, князь.

Он поблагодарил англичанку взглядом, но, прежде чем подняться в экипаж, махнул перчаткой Прохору. Тот, в плюшевом кафтане, при чутком дозоре, согласно дрогнул «адмиральскими» усами, щелкнул кнутом и пустил в неспешливую нарысь четверку игреневых красавцев вдоль Вознесенской.

– Вы служите здесь, князь? – леди Филлмор, подобрав тисненые вожжи, кивнула на особняк, принадлежавший Российско-Американской компании.

В знак согласия Алексей прикрыл веки и тут же поинтересовался:

– Вы всегда так блестяще догадливы?

Она гордо откинула голову и умело подхлестнула лошадей:

– Нет, князь, но я привыкла наблюдать и делать выводы.

Коляска пересекла Исаакиевскую площадь, по которой, развевая свой красно-желтый сарафан листьев, без оглядки бегала за ветром влюбленная в него поземка.

В тот день они наслаждались итальянской оперой, ели бисквиты, запивая «Вдовой Клико»¹⁸, а позже много катались вдвоем до одури.

– А bientft!¹⁹, – бросила напоследок Аманда и исчезла в сопровождении степенного швейцара, стуча каблучками по наборному мрамору вестибюля.

В памяти Осоргина цветно и живо запечатлелся вишневым ковер, перехваченный сияющими латунными прутьями, и ускользающая вверх прелестная женская фигурка.

Выйдя на улицу, князь, прежде чем отправиться домой, постоял еще малость у скучных, присыпанных налетевшей чернубурой листвой ступеней дворца Нессельроде. Видный издалека, графский особняк в тот вечер горел, как резной фонарь. Стрельчатые окна светились веселыми огнями.

После этой встречи была другая, уже не случайная, а за ней еще, еще и еще...

Так потекли недели чудесные и восхитительные... Алексею Михайловичу хотелось, чтобы они тянулись вечно. Помыслами и душой он теперь был целиком с любимой. Но разум подсказывал невозможность счастья, отчего князь премного серчал и печалился.

* * *

Наконец кони поравнялись с мраморным громадем Иса-акия; впереди вздыбился застывший в веках Медный всадник. Прохор зычно гаркнул, дернул вожжами, кони свернули с Петровской площади налево и полетели вдоль набережной Невы с ее упругим холодным гранитом.

Алеутских ост-ровах бойко промышляли морского зверя многочисленные сибирские торговые компании, яростно конкурировавшие между собой и даже враждовавшие.

¹⁷ «Кибитка» – разновидность женской шляпки.

¹⁸ «Вдова Клико» – разновидность французского шампанского, популярного в первой четверти XIX века.

¹⁹ А bientft! – до встречи! (фр.).

Глава 7

В кабинете графа Румянцева натоплено было от души, а надымлено – и того шибче: пыхали без устали сразу шесть «турецких трубок», иными словами, весь совет Российско-Американской Компании. Пепел ронялся куда ни попадя.

Сердца тревогой охвачены были, претерпевая унижительное бессилие. Все дело Русской Америки было поставлено на карту, а его отец-благодетель – граф Румянцев – на шаткую грань. Со дня на день ждали беды за царской подписью.

Офицеры стояли у огромной ландкарты и слушали гнев Михаила Матвеевича, подчас спорили, напрягая ум извечным вопросом: «Что делать?»

Сам Николай Петрович, точно один в кабинете был, никого не зрел, в споре с господами офицерами не участвовал. Сцепив руки на груди, он мерил кабинет крупным министерским шагом, мучительно думая о случившемся, временами задерживался у стеклянных шкафов, тускло сверкающих золотом и серебром переплетов, словно разгадку искал, и снова стучал каблуками.

Мрачен лицом, упрям духом, Румянцев подошел к окну. Крепкие икры, затянутые на павловский манер в белый шелк, нервно подрагивали. Вид со второго этажа открывался на Неву – хмурую, нелюдимую, закованную в панцирь льда... Граф хрустнул пальцами, опираясь кулаками на подоконник. Да, почернело над ним небо! Карьера сломана, но более поругана принародно английским лаем его дворянская честь. Взгляд графа скользил по заснеженной груди реки, цеплялся за шпиль звонницы Андреевского собора, а слух хватал урывки спора.

– Эх, господа, боль сердечная! Речь-то ведь идет о цели России в Америке! Поймите, сие не только торговая кампания и промысел морской. Высочайшие привилегии, дарованные нам, содержат значение государственное! А совет компании, в коей все мы состоим, создан монаршим соизволением. Извольте еще раз взглянуть сюда! – Булдаков указку держал как шпагу. – Нам, господа, с Божьей помощью предстоит реализация грандиозного по своим устремлениям плана.

Эбеновая указка поползла на юг от Аляски, минуя остров Ванкувер²⁰.

– Все западное побережье, включая Калифорнию, Сандвичевы острова²¹, южную часть Сахалина и устье Амура, – сии колонии вместе с Камчаткой, Алеутскими островами и собственно Аляской должны превратить северный бассейн Тихого океана во внутренние воды Российской Империи! Верхняя Калифорния²², господа, как вы знаете, наш самый южный форпост. Но, замечу, помимо ее стратегического назначения, она не должна, а обязана послужить еще и земледельческой житницей для россиян в Америке. Теперь – Сандвичевы острова, – Михаил Матвеевич азартно прищурил правый глаз, сладко затягиваясь французским табаком. – Они являются главным пристанищем для всех судов, оные совершают дерзновенные хождения между Азией и Америкой. Именно сии острова, господа, по моему глубочайшему убеждению, отдадут под контроль российской десницы всю морскую торговлю с Китаем. Это ли не велико? Я уж не считаю нужным здесь сыпать слова о том, что одновременно нами ведется планомерное наступление на Китай, а также на английские, испанские и голландские колонии в Азии. Вы способны на миг представить воплощение сего колоссального плана?

---

²⁰ Ванкувер – крупный остров в Северной Америке у берега Британской Колумбии. Коренные жители – индейцы. Богат каменным углем и пушным зверем. Ранее принадлежал Великобритании. Назван так в честь мореплавателя Джорджа Ванкувера (1758–1797), который исследовал северо-западное побережье Северной Америки.

²¹ Сандвичевы острова – Гавайский архипелаг, расположенный в северо-восточной части Тихого океана. Были открыты Куком в 1778 г., в 1898 г. присоединены к США.

²² Верхняя Калифорния – речь идет о континентальной Калифорнии (ныне североамериканский штат), а не о «нижней», полуостровной – пустынной и в те времена крайне слабо заселенной мексиканской области.

– Признаюсь, с трудом, Михаил Матвеевич, – осторожный Молчанов был само внимание, но его лицо с косо нависшими бровями восторгом не сияло. – Тем не менее, я способен и не на миг представить, что Калифорния, хотим мы того или нет, покуда незыблемая собственность Испании. И сей прожект, господа, опасен, ибо пуще возбудит противу Мадрида к России. Вспомните басню: осмотрительный опасался, да и был цел; опрометчивый – напротив, да и был съеден.

Булдаков зарделся пылающей головней, но молвил по обыкновению уверенным тоном:

– А ты – скептик, брат. Право, не замечал за вами сего греха. Но я возьмусь развеять ваши опасения, милостивый государь. Мадрид, – Михаил Матвеевич вонзил указку в самое сердце Испании, – был силен, да весь вышел. Судите сами: война с Наполеоном, кровопролитные восстания в колониях, темные интриги при дворе и, наконец, больной зуб в десне испанской короны – Кадисское ре-гентство! О, нет, господа, Мадриду не до Калифорнии. Вспомните якобинский диктат: когда в доме пожар, о соседях не думают. А значит, лакомый кусок будет взят сильнейшим. Разумеется, всё решится миром. Кстати, Баранов²³ и Кусков²⁴ уведомляют: туземцы вельми как охотно ссуживают нам свои земли. И полно вам сомневаться, Фердинанд²⁵ не рискнет ссориться с победителем Буонапарта из-за мелких недоразумений.

– Но Англия, черт возьми!

– Вот эта мозоль побольнее! – первенствующий директор скрипнул зубами и утерся платком. – Но насколько можно судить из верных уст, англичанам нынче не до России. Они по горло увязли в войне с американцами...

– Это уж точно! Монархи начинают вести себя разумно лишь после того, как исчерпают все другие возможности...

– Хватит ребячества! – Румянцев грохнул по столешнице. – Хватит гадать на кофейной гуще!

Господа притихли, с опаской глядя на графа Николая Петровича. Того лихорадило.

– Ужель не ясно, помыслы наши гроша не стоят, ежели сильный мира сего прислушивается к подлейшей клевете! Клевете бесстыдной, без меры и приличия!

Волевая, что порез кортика, ямочка на подбородке, воспаленные бессонницей глаза с красными ячменными веками и подвижные во гневе, словно порхающие крылья, темные брови испугали соратников. Многие повставали со стульев, болея душой: уж не приключился бы с канцлером новый удар. Все держали в памяти тот случай, когда Румянцев, сопровождая Императора в Вильну, был там разбит параличом.

– Будет, ваше сиятельство, – вкрадчиво вставил Булдаков, мягко отложил указку и подошел к тяжело дышавшему графу. – И на море случается чехарда: шторм, буря, шквал... Станем вместе поднимать паруса, командор, – он оглянулся на замерших офицеров, и его большая, теплая ладонь согрела холодные персты старика.

Николай Петрович взглянул на простое лицо Михаила Матвеевича, и грудь его заняла от щипательно-теплой волны благодарности. На глаза предательски навернулись слезы, но тут же пропали, точно пожалели седого канцлера.

Булдакова, младше его на 12 лет, граф знал еще с тех времен, когда пребывал в должности министра коммерции. Тот был талантливым самородком из сословия не громкого, но

---

²³ Баранов, Александр Андреевич (1746–1819) – главный правитель Русской Америки, фактически присоединил Аляску к русским владениям. Его именем назван большой остров у юго-западного берега территории Аляски. (Прим. автора).

²⁴ Кусков, Иван Александрович – основатель и душа русской крепости – форта Росс в Калифорнии. Ближайший друг и соратник Баранова. 32 года прожил Кусков в Русской Америке – на Аляске и в Калифорнии. Вернулся он в свой провинциальный, затерянный на берегах реки Сухоны городок Тотьму в Вологодской губернии в 1822 г., где и умер на следующий год. (Прим. автора).

²⁵ Фердинанд – имеется в виду Фердинанд VII, сын Карла IV (1784–1833). В 1808 г. по отречении Карла IV был призван на испанский престол, но тотчас же низложен Наполеоном I; в 1814 г. возвратился в Испанию. Уничтожением конституции 1812 г. вызвал революцию 1820 г., кончившуюся вмешательством Франции в пользу испанского короля.

с крепкой жилкой, торгового. С зеленой юности он вел торговлю с китайцами. Пришелся по сердцу великому путешественнику Шелихову, да так, что после его кончины безутешная вдова выдала за Михаила дочь.

На дворе еще топтался девяносто девятый год, а Булдаков уменьем да рвением добился, чтобы Российско-Американская Компания была обласкана и принята под Высочайшее покровительство. Он же и возглавил совет директоров. За выслугу и жертвенность во благо Отечества ему был жалован чин коллежского асессора и серебряная шпага.

В третьем году он, ратуя за расширение торговых операций, влез по уши в долги, но снарядил кругосветную экспедицию. Его величество, лично знавший Булдакова, изволил после удачного завершения плавания наградить его орденом Святого Владимира IV степени.

Румянцев губ не разомкнул, но в сыром блеске его очей Михаил Матвеевич, равно как и весь совет, прочитали низкий поклон признательности и испытали душой крепкую боль за старика. Перед ними стоял тот же человек, некогда блестящий канцлер, с осанкой родовитого вельможи, сына екатерининского героя, но теперь, увы, не с гордо поднятой головой, а с погасшим взором, согбенный бременем царской опалы, сирый и одинокий в своем тускнеющем величии.

Все это знали и все молчали. Начиная с двенадцатого года, Императора во всех кампаниях сопровождал не старый канцлер, а граф Нессельроде, назначенный, кстати, временно заведовать Министерством иностранных дел.

Николай Петрович, обведя своих питомцев взглядом, спокойно сказал:

– Да, господа... вы правильно всё истолковали. Номинально я еще держу дипломатический штурвал нашего корабля, но управляют им чужие руки. А посему, – голос его звучал по-ратному твердо, – мне стоит поторопиться сделать прощальный залп. А вам, други, – он с надеждой посмотрел на свою смену и отечески улыбнулся, – помочь старику.

За спинами собравшихся послышались шаги. Господа обернулись: в дверях стоял подрумяненный морозцем князь Осоргин.

Глава 8

Унылая осень, объевшись туманами, колючими дождями, свинцовой ватой облаков, уступила место русской зиме: студеной, ворчливой, седой, – а леди Филлмор по-прежнему пребывала в Северной Пальмире.

«Боже, я всё еще здесь...» – кутаясь в черную пену кружев, склонив задумчиво голову, она стояла у высокого окна, устало наблюдая за падающим снегом. Изящные пальцы бессознательно гладили червонное золото подаренного распятия.

«Вот он и уехал... След его замело... Зачем? Зачем все это? Он такой славный... Красивые губы, глаза цвета сырой бирюзы... Похоже, я влюбилась сильно, но не умно...»

Она с грустью вспомнила их первую прогулку... Он, с брумелевским узлом галстука при алмазной булавке, был неотразим и галантен... четверка цокала к дому, князь провожал ее, смущая тонкими комплиментами. Было прохладно, но весело. Внезапно она отпрянула, испугавшись, что он непременно обнимет ее, а она выдаст себя с головой от первого прикосновения.

Аманда улыбнулась печально, с губ слетело шекспировское: «Окончились турниры поцелуев, и в куклы стало некогда играть...» Она вспоминала что-то еще, когда приглушенный щелчок двери заставил ее вздрогнуть и повернуться.

– Леди Филлмор, – к ней подходил отнюдь не походкой слуги тот самый швейцар, что провожал князя. В шагах четырех он замер и склонился в небрежном поклоне. Затем с хозяйской непринужденностью опустился в кресло, и холодные глаза встретились с напряженным взглядом Аманды.

– Я слушаю вас, Пэрисон, – тихо, сквозь зубы сказала она, брезгливо дрогнув верхней губой. Голос звучал отрешенно, точно она говорила сама с собой.

– Вы удивляете меня, мисс. Это я вас слушаю, – Нилл Пэрисон застыл в кресле: голова величественно поднята, плечи отведены назад.

Леди молчала. Прошла минута, другая...

– Куда поехал русский? К старому болтуну? Пакет у него? Когда он собирается покинуть Петербург? Да не молчите же вы! – человек в кресле жестко стрелял вопросами, не отрывая колючих глаз от молодой женщины. – Или вы решили опустить занавес, не попрощавшись со старыми друзьями?

Он внезапно поднялся, пугая оскалом крупных, неровных зубов. Аманда крепче сжала крест Осоргина. Она давно прекрасно знала: такая улыбка не обещает ничего хорошего.

– Послушайте, мне всё надоело. Сколько можно? Сначала Рим, потом Брюссель, Париж, теперь Петербург! Я устала, устала, слышите?!

Ее серо-голубые со льдинкой глаза закрылись, но спокойствия и гордой уверенности как не бывало. Когда, после секундного раздумья, она вновь распахнула глаза, в них было лишь немое страдание и боль.

– Если вы хотите знать мое мнение о вас, – Пэрисон невозмутимо разглядывал свои холеные ногти, – то...

– Мне на него плевать... – не скрывая отвращения, отрезала леди и, отойдя прочь от окна, подобрала ноги, села на разобранную кровать.

– Вот как? – «швейцар» повернулся к ней, голос его отдаленно напоминал сопение линкольнширской волянки. – И так говорит благовоспитанная дама – дочь лорда Филл-мора?

– Не смейте трогать имени отца, Пэрисон, вам до него далеко, как до шпилья Биг-Бэна.

– О, не спорю. Так же, как и до казематов королевской тюрьмы, где он четвертый год вспоминает о своей ненаглядной дочке.

– Да как вы смеете!

– Смею, – мелкие глаза зло блеснули на красном, точно распаренном лице. – Довольно мне говорить о возрасте и благородстве вашего отца! Седина никогда не мешала Джеффри Филлмору быть негодяем.

Леди Филлмор, в родословной которой было без счету славных рыцарей, перед которой склонялись знатные фамилии и «мели землю перьями своих шляп», вдруг почувствовала железные объятия Фатума...

Задыхаясь от отчаяния, она схватила с консоли фужер с недопитым токайским, но он запрыгал в ее руке, и золотистое вино пролилось на голубую поляну персидского ковра. Она как-то враз сникла, подтянула колени к подбородку, уткнула лицо в ладони, часто вздрагивая всем телом.

Однако Пэрисон был неумолим, как кромвелевский²⁶ палач:

– Будьте благоразумней, леди! Иначе – пеняйте на себя. Впрочем, если вас не казнят, а бросят в Тауэр к старому кроту Филлмору, пособнику Бони²⁷, это будет высокой милостью. Вам сие улыбается? А между тем, моя дорогая, – барон рассыпался хриплым смешком и положил широкую ладонь не ее упругое бедро, – вам стоит лишь захотеть...

– Вы! Животное! – Аманда отшвырнула его якобы по-дружески положенную руку. – Бригандажер!²⁸ Грязный лжец! – всякая краска отхлынула от ее лица, глаза потемнели, сделались большими, почти безумными. – Эти увещевания я слышала уже тысячу раз в Лондоне, Риме, Париже – там, где за вашей тенью лилась кровь, ломались судьбы и сыпался яд... Сколько я еще должна сделать, чтобы спасти отца?! О! Вы прекрасно знаете, что он не виновен! Откровенность и честность сгубили его. Весь его грех в том, что он имел глупость в Сент-Джеймском дворце заметить: «Император Франции Буонапарте больше заботится о своем народе, чем его величество Георг IV».

– Это ваше последнее слово, мисс? – с угрозой надавил Пэрисон.

Но она будто не слышала. Глядя в одну точку немигающими, потемневшими глазами, Аманда с каждой секундой ощущала, как ширится и разливается вокруг нее зловещая пустота, и угадывала сердцем нечто ужасное, роковое, чему препятствовать и противостоять не было сил...

Она внимала заполошному стуку своего сердца и тупо молчала, чувствуя себя лишь орудием в цепких руках, понимая, как липко и навсегда спеленута паутиной интриг, сотканной из фальшивого блеска.

– Так что мне передать лорду Кастльри? Вы отказываетесь помочь своему отцу и Англии? – Нилл Пэрисон с плохо скрытой нервозностью комкал перчатку.

– Не надо, сэр, не говорите так! – восторженно она при имени человека, от которого в большой степени зависела участь ее самой и отца – последних из рода Филл-моров. – Я сожалею... Все глупо... Да-да... Я понимаю... – по нежным щекам катились слезы.

«Боже, какая красивая, спелая дура!» – холодно и спокойно в который раз резюмировал Пэрисон, однако не преминул, как требовала инструкция, сделать заученный шаг:

– Что с вами, мисс? Сколько опасных безумных слов, и для чего? Клянусь величием Англии, другая на вашем месте гордилась бы фантастической судьбой и была счастливой королевским доверием, выпавшим на ее долю. А вы?.. О, святой Яков! – воскликнул он неестественно высоким голосом и драматично закрыл лицо малиновым обшлагом своей раззолоченной ливреи. – Да знаете ли вы, леди, какие чувства испытываю я, член дипломатического

²⁶ Кромвель, Оливер – протектор республики Англии, Шотландии и Ирландии (1599–1658). В правление Карла I Кромвель сделался душой парламентских войск и разбил королевские войска. После взятия в плен короля содействовал его казни. Кромвель был ярым пуританином, отличался жестокостью и железной волей. При нем пуританская секта получила полное большинство. (Прим. автора).

²⁷ Бони – тоже одно из прозвищ Наполеона Буонапарте. (Прим. автора).

²⁸ Бригандажер – разбойник, мерзавец (фр.).

корпуса, представитель древнего рода, в этой гнусной шкуре шута?! – тут Пэрисон с такой гадливостью воззрился на свое платье, точно по нему были рассыпаны чешуйки проказы. – Но я наступаю себе на горло, черт побери! Потому что вижу и слышу в этом маскараде во сто раз больше, чем на десяти бестолковых приемах сразу. И знаю, что такие, как вы и я, приносят его величеству не меньше пользы, чем сам легендарный Нельсон²⁹.

Барон был в ударе. Он продолжал еще чем-то пугать: вроде того, что ей, дочери изменника, где бы она ни очутилась, не скрыться от их могущественного влияния, что не станет его – взойдут иные, кому поручено будет контролировать каждый ее шаг, каждое дыхание; при этом он театрально заламывал руки, умело жонглируя высокими именами и идеалами Великодержавной Англии.

Главное, что бесило Аманду, перековывая отчаяние в гнев, заключалось не в пугающей трескотне Пэрисона, а в его плохо скрытой жажде быть ее обладателем. Глядя на барона сквозь зависшие алмазными дробинками слезы, она чувствовала себя оскорбленной, до нитки раздетой изголодавшимися по страсти глазами. Аманда с деланной непринужденностью плеснула себе остатки токайского и, любуясь цветом вина, спокойно сказала:

– Помилуйте, барон, вам стоит быть поделикатнее. Если я женщина, то, по-вашему, у меня и развитие, как у незрелой репы? Вы далеко не подросток, сэр, и вам пора сделать выбор: распутник вы или член дипломатического корпуса! И кто знает, быть может, тогда разрешились бы все ваши муки...

Побагровев, барон что-то хотел спросить, но синее пламя глаз сожгло и это.

– Проклятье... – только и смог простонать Пэрисон.

В ответ Аманда посмотрела на него через коричневое золото токайского вина и, копируя фривольное обращение барона, съязвила:

– Вот-вот, мой дорогой, продумайте на досуге свою месть... Но помните, сэр, шантаж – вещь обоюдоострая!.. И я не уверена, что лорд Кастльри засияет от счастья, узнав однажды, что его поверенное лицо легко путает женщин с делами Англии.

– До-воль-но! Замолчите!

Однако леди Филлмор продолжала наступать и, одарив насмешливым взглядом ряженого барона, понизив голос, еще раз показала когти.

– Только не питайте иллюзий, Пэрисон, что попадись я вам в руки на всю ночь, к рассвету вы бы сделали меня покорной, как воск...

Сказав это, она вдруг опять потускнела, уткнувшись в колени, и в глазах ее вновь колыхнулась тоска.

Солнца видно не было, но его золотисто-белые лучи вторгались белым снопом в спальню, освещая ореховый туалетный столик; старинный, из пергамента и страусовых перьев, веер; капризно выбранный строй хрустальных флакончиков духов; и что-то еще деликатное, мелкое, женское...

Внезапно спальню наполнил мелодичный звон часов работы Рентгена. Замысловатый механизм хрустально выигрывал тирольский напев.

– Запоминайте, барон, – Аманда рассеянно провела рукою по белому мрамору шеи, точно ей не хватало воздуха. – В двенадцать князь должен быть во дворце графа Румянцева. Пакета при нем, полагаю, нет, во всяком случае, я не нашла его... Время отъезда узнать не удалось, но уверена: не позднее завтрашнего дня... Это всё, а теперь убирайтесь к черту! И впредь, когда заходите, стучите – я не прачка, а вы не кучер, сэр. Прощайте!

---

²⁹ Нельсон Гораций – английский адмирал (1758–1805), один из самых деятельных героев коалиции против Франции. В 1798 г. одержал блестящую победу над Наполеоном при Абухере в Египте. Утвердил владычество неаполитанского короля Фердинанда IV. Последняя его победа над французско-испанским флотом при мысе Трафальгар стоила ему жизни.

Глава 9

В кабинете они остались вдвоем: молодость и зрелость. Румянцев лишнюю строгость на себя не напускал. Был краток и четок.

– Рад тебя видеть, князь. Изволь сесть хоть куда и прошу со вниманием слушать. Время, сам знаешь, приключилось грозное, а потому пробил час кое в чем тебя просветить и просить об одном одолжении. Скажу наперед: будучи делу предан до скончания живота своего, речь поведу единственно о Державе, но помни... – седой канцлер приложил к губам палец, сверкнув изумрудовым перстнем, – глагол – серебро, молчание – золото.

Алексей сидел на оттоманке зеленого бархата, свободно закинув ногу на ногу, но было заметно, что князь азартно взволнован. Он расцветал от запаха опасности, тайны так же, как дамы обмирали от его золотых эполет.

Граф улыбнулся в душе: «Нет, этому Анакреону³⁰, пахнущему духами и отвагой, решительно никакое соперничество не в страх, он – Осоргин!»

– Так вот, – продолжал Николай Петрович, – вам, конечно, известно, князь, что в двенадцатом году мы заключили с испанскими кортесами³¹ миротворческий договор³².

– В Великих Луках, – вскинув левую бровь, почтительно уточнил Алексей.

– Именно, – граф довольно кивнул головой. – Уполномоченным от Мадрида был дон Зеа де Бермудес; если помнишь, он прежде служил испанским генеральным консулом у нас в столице.

– Да, – сухим эхом отозвался Осоргин. – Нам следует присмотреться к нему? Иль тревожиться?

– Лично я встревожен, – откровенно заявил Румянцев. – Но не им. Дон Зеа – даровитый, отменной чести человек, кстати, отказавшийся в свое время присягнуть на верность Жозефу, брату Наполеона. Нет-нет, он вне подозрений. Тут дело в ином, голубчик. Сей договор с Испанией, ежели начистоту, был моим последним дипломатическим шагом. Позже, по причине недуга, тебе известно, я вынужден был оставить Государя, армию и... – Николай Петрович болезненно напрягся лицом и выдохнул, – возвратиться в Петербург.

Осоргин нетерпеливо дернул щегольским усом и осведомился чуть резковато:

– Так что же?

– Возьмись покрепче за подлокотник, Алеша, – глухо обронил граф, буравя его взглядом.

Осоргин – внешне спокоен и холоден – нервно ждал, куда канцлер вдоволь напьется его видом.

– Новорусским землям гибель идет! – произнес тот, намеренно отчеканивая слова.

– Русской Америке?! – Алексей изменился в лице, перекрестился и почти крикнул: – Ваше сиятельство, ради Христа, что случилось?!

Румянцев поднял руку:

– Его величеству сейчас не до американских берегов. После славной виктории в «битве народов» под Лейпцигом он опьянен величием и до сих пор продолжает горстями раздавать кресты и звезды.

– Однако за доблесть, ваше сиятельство! Наши дрались как львы!

---

³⁰ Анакреон – лирический поэт древней Греции, воспевавший любовь, вино и вообще чувственные наслаждения. (Прим. автора).

³¹ Кортесы – собрания народных представителей в Испании и Португалии.

³² В 1812 г. усилиями канцлера Румянцева в Великих Луках был подписан миротворческий договор между Россией и Испанией; стороны двух государств обязались всесторонне помогать друг другу и не нарушать зыбкий мир в своих североамериканских колониях, в частности, в Верхней Калифорнии. (Прим. автора).

– За доблесть, не спорю,– терпеливый голос был по-прежнему ровен.– Но подумай, голубчик, кому на руку кровь наших орлов в заграничном походе? Ужель ты не гадал, отчего фельдмаршал Кутузов впал в немилость? Не думал? Так потрудишься хоть теперь!

– Вы хотите сказать, что... – прошептал капитан.

– Успокойся, пока ничего не хочу сказать... Рано развешивать ярлыки, но поздно раздумывать. Я полностью разделяю мысли почившего главнокомандующего. Он, стреляный воробей, коего на мякине не проведешь, говорил: «Наследство Наполеона, увы, достанется не России и не какой-либо континентальной державе, а тем «островитянам», кои уже нынче владычествуют на морях и чье господство делается тогда для мира невыносимым». И, право, ежели сия мудрая мысль не способна была убедить Государя, так, верно, уж никакая другая «пушка» не разбудит.– Николай Петрович печально усмехнулся, глядя на задумчивого Алексея: – Теперь, надеюсь, ясно, почему Государь меня оставил здесь смахивать пыль с бумаг, взяв с собой Нессельроде?

Князь помрачнел, сцепив пальцы, сверкающие глаза расширились: он свято почитал своего учителя и ненавидел «заморского пигмея», преклонявшегося пред всем англичским и пред австрийским канцлером Меттернихом. Талант этого политика, как был убежден Осоргин, состоял в умении, не высунув голову, вовремя шепнуть: что случится на следующий день, на следующей неделе, на следующий год, затем, не краснея, объяснить, почему этого так и не произошло.

– Чего же теперь ждать, Николай Петрович?

– Пожалуй, уже дождались. Торжествует британец: выгрыз английский пес свою правду – республиканцы изолированы полностью. Со дня на день их миссия покинет Санкт-Петербург несолоно хлебавши... Да и под меня подвели черту. Впрочем, дипломат, пеняющий на злые языки, похож на капитана, пеняющего на море... – Румянцев сжал кулаки.

– Значит, вчерашний выпад Уолпола...

– Да, Алеша, да...

– А что Булдаков?

– А что дробина слону? Бодрится Михаил Матвеевич, кипит. Да боюсь, так и выкипит... Остальные тоже не лучше: ходят, словно в воду опущенные. Тут не молитва нужна, голубчик, а дело.

– Приказывайте, ваше сиятельство! – глаза Осоргина блистали преданностью.

– Экий ты быстрый, голубчик, готов kota в мешке купить. А ежели за мой приказ тебе придется в полуношный край отправиться, северное сияние созерцать?

Офицер думал недолго, лишь перекинул ногу:

– Да и за вчерашний мой дивертисмент грозили каторгой! Хрен редьки не слаще. Не запирайтесь, Николай Петрович, сказывайте.

Канцлер замер на миг, а потом будто выстрелил:

– Карта тебе выпала, капитан, гнать лошадей в Охотск, а оттуда чрез океан в форт Росс.

– В Охотск? В Калифорнию?..

– Ты что ж, в отказ? – Румянцев в сердцах треснул каблуком по паркету.– Только не хитрить! Отвечай решительно и немедленно, Алексей Михайлович.

У Осоргина на душе заскребли кошки. «Охотск – это же редкой масти дыра: ветродуй с тоской, да и только! А форт Росс... И того хуже». Слышал он в РАКе от очевидцев, что, дескать, форт Росс – это мечта самоубийц: индейцы, пираты, дикое зверье в избу лезет, как к себе в нору, зато люди там становятся крепче булата. Да, дорога к форту Росс шла до Охотска всё же по тореной земле, хотя и под разбойничий свист, а дале по голым нервам: впереди океан. Там Господь заканчивал свой путь и свои услуги предлагал Люцифер³³.

---

³³ Люцифер (в Святом Писании) – блестящий, но гордый ангел, возмущивший против Бога других ангелов и за то

Алексей лукавить не привык, оттого сознался:

– Душой не растаял от радости, ваше сиятельство.

– И на том спасибо, – граф тяжело сел подле, приобнял за плечо. – Вот это, – он неожиданно извлек из белого камзола пакет и даже понизил голос, – ценой жизни, но след доставить на американский континент и вручить лично правителю форта Росс господину Кускову. Срочность доставки бумаг гарантирует нам в южных колониях мир с испанцами.

– Вы говорите с такой уверенностью, Николай Петрович, точно события уже назрели, – слова выскочили раньше, чем Алексей успел прикусить язык.

– Увы, факты – упрямая вещь. Последние рапорты полны набата: есть случаи резни, кои способны для Отечества разлиться в новую большую кровь. Помнишь, наверное, 1802 год?..³⁴ То-то и оно... А государь глух на ухо, хоть убей.

Князь внимательно посмотрел на Румянцева. Ритм речи графа, убедительность и весомость фраз – всё было как обычно, вот только таящаяся в голосе органная нота да хрипотца, ровно горло старика забила мокрота... Алексею вдруг стало не по себе, но в следующий момент по жилам его точно разлили шампанское: «Эх, ради такого дела готов гнать лошадей хоть к черту на рога, не то что в Охотск!»

– Однако здесь царский вензель? – офицер с любопытством вертел пакет.

– И слава Богу, держал на черный день... Вот и сгодился.

– Выходит...

– Да, голубчик, решился, – скулы Румянцева обострились. – А что прикажешь делать? Ну, да пусть о сем, Алексей Михайлович, ваша голова не болит, то на моей совести... Все-таки я еще канцлер, а не садовник. – Он молодо встал и зачастил по кабинету. – Память у тебя, я знаю, вечная, что в судовой журнал вписать, то и отрадно. А в нашем деле, тем паче, запись должна быть вот здесь, – старик коснулся указательным пальцем своего высокого лба.

– Отъезд завтра. Не понял что? Да, завтра – крайний срок! Выйдешь из города, князь, у Средней Рогатки тебя будет дожидаться дюжина казаков и лучшая дорожная тройка. Всё сие не позже девяти утра, Алексей Михайлович, чтоб по темноте. Так что «зарю» придется сыграть с петухами... Оттуда погоните в Новгород, потом на Торжок до Москвы, – Румянцев погрозил Осоргину, – ни часу задержки! А уж по «Владимирке» прямехонько через Урал в Сибирь.

У Алексея нехорошо кольнуло в груди: знал он этот столбовой тракт, крепко убитый арестантскими котами³⁵ и политый горючими слезами.

– В Охотске на тамошнем рейде вас будет дожидаться двухбатарейный фрегат «Северный Орел». Под началом капитана Черкасова ныне отправлен он с насущными надобностями для русской миссии к японским островам. К твоему прибытию в Охотск, Алексей, все формальности с судном будут улажены через вестовых. Не кипятись! О сем я похлопотал заранее: господин Миницкий, командир порта, препоны чинить не будет. Имя мое да царский вензель тому порука. Что же касается меня, – Николай Петрович надул щеки, – в то время, как вы будете действовать на океане, я тряхну сединой здесь. Нельзя британцу воли давать, ой, нельзя! Хуже всякого турка за грудки возьмет и ярмо наденет! Да мы тоже не в хлеву родились, голубчик, потели в ученых храмах... Пусть знают: есть еще у русака порох в пороховницах!

Разговор шел на французском, но граф Румянцев, большой охотник до русской словесности, частенько переходил на родной язык, а когда обида душила пуще, помогал себе народными восклицаниями.

свергнутый в преисподнюю, отсюда, вообще – дьявол, злой дух.

³⁴ 1802 г. – речь идет о разграблении и сожжении столицы Аляски города-крепости Ново-Архангельска. Порт Ново-Архангельск (Ситка) был основан Барановым в 1799 г. под именем Ситка на одноименном острове. В 1802 г. был уничтожен набегом индейцев колошей, подстрекаемых иностранными матросами и пиратами. Почти все русские и алеуты, находившиеся там, были убиты или взяты в плен. В 1804 г. город был восстановлен и переименован в Ново-Архангельск.

³⁵ Арестантские коты – специальные фуры для перевозки заключенных. (Прим. автора).

– Сверх казенных денег хочу свои дать, – старик ловко запустил руку в ящик серебряного стола и извлек сверток, похожий размерами на коробку из-под бразильских сигар.

Осоргин вспыхнул и хотел возразить, но граф опередил:

– Не возьмешь – обидишь по гроб... Держи!

– Слушаюсь, ваше сиятельство! Всё будет исполнено в срок! – звучно заверил капитан и по-военному склонил голову. – Имеете что-нибудь еще приказать?

– Имею! – Румянцев плеснул звонком – ливрейный лакей ласково внес хрусталь и шампанское.

Граф хлопнул об пол разлетевшийся сверкающей росой опустошенный фужер и сырой щекой прижался к Осоргину.

– Господь с тобой, Алеша... Держись, голубчик! Держись!

Князь путался в чувствах: и горечь разлуки, и гордость за возложенную честь, и боль за опального канцлера...

Со слезами на глазах и усах он по-сыновьи обнял Николая Петровича, точно желал влить в него, безутешного, свою молодость и пыл.

– Обещаю, ваше сиятельство, не пошажу своих сил, всё, что смогу!..

Глава 10

Уж было за полдень, когда князь Осоргин вышел от графа. Перед глазами рисовались перспективы одна другой краше. Голова была не своя, предстоящая миссия пьянила почище старого русильонского вина.

На Англицкой набережной было на удивление тихо в тускло-серебристой дымке наступающих сумерек. До самого Медного всадника будто всё вымерло. Дворцы и особняки вдоль Невы устремлялись в прозрачную даль торжественной воздушной полосой. В серой акварели неба боролись с порывами ветра редкие чайки, отчаянно державшиеся черных окон незамерзающей воды, и плач их чем-то тоскующим и обреченным пропитывал промозглый воздух.

Алексей ту же натянул треуголку, бросил удивленный взгляд вправо-влево... Обычно тут кипень стоит праздная, слышится рокот сродни морскому, да только не прибоя, а дружной дробы копыт и колес. И, право, не до смеху: успевай беречься, не то собьет, затопчет прогулочный экипаж, и имени не спросит.

Истомившийся «барским приколом» Прохор недовольно стучал яловыми сапогами вдоль гранитного парапета набережной. Карета стояла тут же с белым горбом снега на крыше.

Захлопнулась дверца, сбивая искристый навис липкого снега. Прохор разобрал прозрачно-оледеневшие, негнущиеся вожжи, гикнул страшливо, и ясеновые полозья завизжали.

Как только экипаж истаял в снежной пыли, с Галерной, мимо особняка Фонвизиных, хлопая плащами, угрюмо вынеслась шестерка всадников и устремилась вослед.

* * *

У Петровской площади – там, где в летний сезон грудь Невы на манер португали перетягивал наплавной мост, что укладывался мастеровыми на шлюпы, – по зиме укладывался санный съезд.

Прохор ожалил кнутом четверку бусогривых, – стыдно барской карете в хвосте плестись. А за оконцем экипажа шум-гам да веселье – народ догуливал Рождество.

Алексей прижался к стеклу – тут и сани, тут и коньки, тут и пьяные от морозца барышни, чьи щеки маком цветут без румян, и пестрые шатры разбиты, полные снеди и вина – пей, гуляй, душа – мера!

Звенят голоса, летят русские тройки в наборных сбруях, с огненными медными бляхами и кистями с колокольцами под резной дугой коренников, с бубенцами да пестрючими лентами на шейках пристяжных.

«Эх, накатаются черти – бьюсь об заклад, зазвенят под ночь в Стрельну, к цыганам!» – с завистью подумал Алексей.

А посередине Невы-матушки в четырехаршинных ледяных сугробах, точно строй петровских гренадеров в зеленых мундирах, выставлены на погляд привозные красавицы ели. Все, как одна, в пять маховых саженей ростом да в лентах веселых и при бумажных шарах. Крутятся бесом, фыркают пламенем да искрами фейерверки с шутихами. Временами нет-нет, да и мелькнет жандармская бляха – вокруг почтительная прогалина, а за ней опять толчея: тут и бархат, и атлас, и медведь на цепи вприсядку, опоенный медовухой.

Карета князя, обгоняя прогулочную неторопливость мещанских кошевок, въезжала на Васильевский остров, ко-гда по проезду прогрохотали кони преследователей. Будто живые клинья, рассекли они праздничную толпу, собирая проклятья, сыпавшиеся, как блохи, в хвосты их лошадей.

* * *

Когда замелькали простуженные шеренги домов Васильевского, градус настроения Осоргина резко упал. То ли сказывалось щемящее чувство скорой разлуки со всем родным и близким, желание догулять Рождество с любимой, то ли еще что... Словом, сидел он, уткнув-

пшился носом в уютный бобровый ворот, слушал канканное перещелкивание кнута и крепко печалился.

«Вот ведь... с утра еще град Петров виделся куда как славным – лучше не хочу, а нынче...» Морщась, он стянул перчатки и, раскуривая подарок американского посла Адамса – иллинойскую трубку, задержал взгляд на оконце и помрачнел пуще. Все было не так и не этак. На узких, крепко просевших деревянных тротуарах глаз не радовал поток гуськом спешащих людей. Там старуха с клюкой при ветхой корзине, согнутая чернопудовой судьбой; там на перекрестке казенный мужик туповато горстит в раздумьях бороду до пупа. Долгополый армяк и татарский кушак выдают в нем дремучего провинциала. Придерживая треуголки, оскальчивается чиновничья рать: нотариусы иль адвокаты, один черт, судейское племя, и лица, лица, лица... И все держится нарочито независимо, дышит жаждой деятельности вперемежку с отчаянностью нищенской долюшки, с пьяной улыбкой уходящего Рождества да тревожным блеском в очах: «Что ты готовишь, год четырнадцатый?»

Князь зевнул. В хриплом галдеже церковного воронья слышалась ему тяжелая поступь судьбы, звенящая для одних серебром червонцев и воли, гремящая для других железом ворот долговой тюрьмы и цепями каторги.

«Ах, Петербург, Петербург! Блеск и нищета, величие и простота – затерянный среди волчьих лесов и ржавых, точно изъеденных оспой, чухонских болот... – он как-то невесело улыбнулся и заключил: – Умей жить в согласии с собой, и жизнь будет светлой».

Мимо проплывала Восьмая линия, до Смоленского погоста еще далече, а за окном смеркалось, близилось времечко уличных фонарей.

Грешным делом, Алексей уж было пожалел, что велел Прохору воротить коней на Васильевский, но тут же осек себя строго: «Что ж это, брат? Дружбу предавать вздумал? Не в зазор и честь свою заявить. Чай, забыли у Преображенских лицо твое. Столкнешься где... не признают, и то за дело!»

Обмякнув сердцем, он вновь принялся заряжать трубку провансальским табаком: не мог никак после разговора с графом прожечь горло – решение канцлера, чего лукавить, было, что обухом по голове.

На Восемнадцатой линии, куда лежал его путь, доживала свой век безутешная вдова Анастасия Федоровна Преображенская – матушка его дражайшего друга Andre. Друга светлой поры детских проказ и ершистой юности, вымуштрованной под барабан в славном кадетском морском корпусе при Кронштадте.

Ныне Андрей Сергеевич службу нес там, где Великая держава Российская распахивала миру свои восточные врата, куда на завтрашнем брезгу обязана была зазвенеть дорожная тройка Осоргина.

Князь высморкался в платок – подъезжали. Через десяток домов должно было проклюнуться Смоленское кладбище. Он улыбнулся. Улыбка получилась нервной, насилу выжатой. Память перелистывала страницы последнего письма Andre содержания отчаянного и злого.

Нужда гнула друга в три погибели. Ему еще не поспел срок озаботиться избавлением родового наследства от крыс и тлена. Неувядшая матушка Анастасия Федоровна покуда пребывала в уме и здравии. Она принадлежала к той породе русских женщин, кои во вдовстве уж не живут, а так... доживают, и это свое доживание ощущают, точно вину перед покойным мужем.

Беда, как понимал Алексей из писем друга, гнездилась в ином. Не ведала Анастасия Федоровна о нуждах единственного сына, понеже целиком уповала на заботу Российско-Американской Компании о своих птенцах. Но с течением лет цедились серебрянички все скупее да неохотнее, ибо у Компании расходы поднимались, как у кухарки квашня в кадучке. «Эх, воинская ляпка! – Осоргин дернул желваками. – Кто с тобой беды не бедовал!»

Оттого Andre, злясь на известные степенства, привыкал считать гривенники, не пренебрегая и счетом полушек. Весточки маменьке он слал редко. Анастасия Федоровна крепко сердилась на его нерадивость, он – на ее обиды. Гордыня гордыней, а пришлось Андрею Сергеевичу отписать-таки прошение маменьке, да заодно и князю Осоргину. Пятый месяц компанейские офицеры перебивались без денег, закладывая последние фамильные вещи.

«Приезд мой, – рассуждал Алексей, ставя сапог на снег, – будет для него манной небесной. Погоди, дружище, не за горами избавление. Дольше мучился».

Глава 11

От Преображенской он вышел со сложной гаммой чувств. Сердце щемило, перед глазами стояла ее одинокая сухонькая фигура, показавшаяся князю среди молчаливых, унылых комнат с задрапированной мебелью потерянной и призрачной.

Спускаясь по тускло освещенной лестнице, стараясь держаться ближе к перилам, Алексей отчего-то подумал: уж не в последний ли раз лицезрел он эту милую, добрую женщину?

Да, время неумолимо: Анастасия Федоровна была стара, как и ее изящный решетчатый медальон, кой она уж без нужды, а так, по привычке, как и другие дамы минувшего века, продолжала носить под платьем. Медальон был ловушкой для блох, золотенький стерженок которого в былое время регулярно смазывался пахучим молодым медком.

На последнем марше Осоргин ощутил сильное сердцебиение, словно при дурном сне. Вспомнились родители. «Господи, они же всего-ничего двумя летами моложе Преображенской».

Алексей вздохнул: сколько раз за последнее время он представлял возможность кончины своих домашних. Шут знает, но она всегда казалась не скорой, с предалеким горизонтом, а тут после визита засосало сердце...

У самых дверей подъезда, где откровенным образом зевал потерявший дозор молодой швейцар, Осоргин переложил понадежней коробочку с золотым браслетом, что изволила передать сыну Анастасия Федоровна.

«У женщины из общества, оставшейся без средств, два пути, *mon cher*³⁶, – вспомнились горькие слова Преображенской: – Рискнуть еще раз выйти замуж, либо... занять место, соответствующее выпавшей доле».

Анастасия Федоровна так и не решилась искать счастья на первом пути: верность покойному мужу брала верх.

Выходя в распахнутые перед ним двери, Осоргин погрозил тростью раскислевшемуся холопу, шикнув по привычке:

– Еще раз угляжу – лоб забрею, сволочь.

* * *

У кареты маялся Прохор:

– Вашсясь! – срывающимся голосом прохрипел он, опасливо щупая взглядом загустевшие сумерки. – Мой грех, кажись, хвост пришил к вашей карете.

Алексей Михайлович спокойно и трезво посмотрел на Прохора. Тот не стоял на месте, кружил волчком и дергал туда-сюда головой, ровно на пятки ему наседали черти.

– Да что стряслось, ну?! – князь рывком притянул его за грудки. Темень Васильевского, влажистый блеск в глазах Прохора и ржавый скрип фонаря на ветру натянули нервы Осоргина.

– Боязно тутось... Схорониться вам нады, барин! Затопчут нелюди, – жарко задышал слуга. – Глаз на вашу особу положили... Как на Васеньку въехали... слетелись коршуны... И я, дармогляд, не допетрил лбом вперед, думал, служивые куда коней палят, ну и воротил на Третьей-то линии... Ан, нет! Зрю, оне следом... Вот-ить прилипли репьем, жуткие таки: при оружье, с глазищами волчьими... Насилу отвертелся в толчее. Благо, успел санный обоз опередить... Мужички лес везли. Подвод пятьдесят, ежели не более. Всю Пятую подчистую перегородили, вот и живы остались!..

– Подлец! Отчего сразу не известил? – в руке князя сверкнул пистолет.

– Не вели казнить, батюшка... Верите: ни ногой, ни рукой шелохнуть не мог, а язык и вовсе отнялся. Дьяволы то были, вот крест.

---

³⁶ 1 *Mon cher* – мой дорогой (фр.).

– Ладно, Прохор,– Осоргин щелкнул курком,– уймись. То, что твоей вины нет, верую, а теперь жги к дому в объезд, да живей!

– Ой, мати! Да куды вы, куды? – Кучер бухнулся на колени, морща сырое лицо. Вцепился руками мертво в край барской шубы.– Не гневайтесь, вашсясь! Лучше положитесь на мой совет: останьтесь у Преображенских – убьют, звери, убьют!

– Гони, я сказал! Пуля – дура, но трезвит не хуже штыка. И слезы убери,– ни к чему это. Лупсуй!

Кони, прижав под хлыстом уши, резво сорвались с места. Миг, другой,– и выбеленная снегом улица опустела. Лишь ветер продолжал завывать, кудрявя поземку, да скрежетал фонарь, все так же уныло таращась в ночь подслеповатым янтарным глазом.

* * *

– Вон он!

Впереди в холодную темень нырнула карета.

Всадники понеслись по завьюженному зеркалу площади сквозь глухоту города, железисто дробя пустынную тишину.

Они нагнали ее у Сытного рынка, до могилы опохмелив эфесами перепуганного ямщика.

Сверкающая лаком, о семи зеркальных стеклах карета огрызнулась единственным рыжим выстрелом. Дюжина шпаг с хрустом пробила изящный короб; чья-то уверенная, наторевшая рука дернула на себя дверцу. Из салона мешком мяса вывалилось хрипящее тело.

Парик слетел и, подхваченный ветром, запрыгал зайцем вдоль темневших торговых рядов, а лысая голова глухо стукнулась о черную наледь. Шуба тяжело распахнулась, открывая дырявленный в четырех местах живот, затянутый в синий, по моде, фрачный жилет.

Казалось, что какой-то мышечный узелок еще колотился в тучном теле. Лицо вспухло от прихлынувшей крови и было темным, что потускневшая медь.

– Вот и долеталась, птаха. Больше песен не будет, сэр.

– Болван! Это не он! Это всё твоя работа, Брэтт!

Пэрисон, срывая с лица широкий шарф, схватил убийцу за плащ и развернул к себе. Рука барона в ярости трясла Брэтта, у которого бренчал в ножнах португепи еще дымящийся кровью жертвы клинок.

– Это ты указал нам карету! – Плечо Пэрисона, разбитое пулей, горело, точно в него воткнули раскаленный вертел, и это его еще пуще распалило.– Ты дерьмо, Брэтт. Однако на сей раз я пощажу тебя. Но в следующий... поднимешь голову – отшибу!

– Может, и так, сэр,– мрачно огрызнулся Брэтт.–Да только наши головы тоже не пустые тыквы. Сколько мы еще должны рисковать шкурой? Каждый шаг в этой стране опасен, как переход по жерди над адом.

– Да уж ты, Брэтт, был бы счастлив, если часы твоей работы обратить в кружки эля, а стук копыт – в болтовню огненной девки в постели!

Наемники не ответили, и барон увидел, как все пятеро сомкнулись плечом к плечу в одну зловещую шеренгу. Он вдруг перестал чувствовать боль в плече, ноги закоченели, будто их до щиколотки засыпали льдом.

Пэрисон судорожно сглотнул, глянув на низкое северное небо. Луна осколком перламутра мерцала над спящим городом. Ее полупрозрачный, нагой лик отражался холодными огнями в остекленевшем взгляде сановника.

Барон вздрогнул, и прокравшийся в его глаза испуг исчез.

– Но, но! Я расплачиваюсь английским золотом, чтобы сделать из вас палачей, а не судей!

– Все верно, сэр. Как верно и то, что одно дело –родная Англия, другое... – убийцы переглянулись.

Барон отступил еще на шаг, перчаткой прикрывая от укусов ветра обмороженное лицо. Во рту было кисло от страха и предательской слабости.

– Пусть так. Что предлагаешь, Брэтт?

Тот ответил не сразу, стирая со щеки струйки ползущей из пореза крови.

– Мы убьем его на дороге за городом.

* * *

Утром следующего дня князь Осоргин благополучно отправился в путь, не ведая, что Петербург к обеду был в плену чудовищной новости.

Домыслы строились преразличные. Дикое убийство отставного генерала Друбича, возвращавшегося из театра домой, не укладывалось в головах.

И лишь в одном дворце знали точно, в другом догадывались, откуда тянулся след, способный привести к истине.

Часть 2 Восточные ворота

Глава 1

Стояла ранняя, хмурая весна. По ночам земля еще крепко подмерзала, схватываясь камнем. Колючие ветры разгуливали по закоулкам простывшего с зимы Охотска, хищно бросались на прохожих, впивались ледяными когтями в лица.

В один из таких дней Палыч, денщик капитана Преображенского, дробливо постучал в двери господского дома. Громкий постук повторился, после чего кованая ручка скакнула вверх, лязгнула щеколда, и дверь распахнулась. Расправив на себе смятый кожан, насквозь пропитавшийся холодной дождевой водой, денщик юркнул в теплые сени.

Это был невысокий кряжистый старик лет шестидесяти, с темным, как бурак, от мористого загара лицом. На моряка он походил мало, но что-то выдавало в нем морскую закваску. Просмоленные седые волосы слипшейся паклей валялись на вороте его изрядно потертого кожана. Беспокойный взгляд старика резанул по сумери сеней, лицо напряглось.

– Андрей Сергеич, батюшка! Где вы? – осипшим от волнения голосом позвал он.

Ответа не последовало. Тогда Палыч ловко крутнулся на низких деревянных каблуках и бросился к дверцам, которые вели в комнаты. Проскочив пару из них и не узрев своего барина в горнице, слуга закудахтал:

– Господи Иисусе Христе, да что ж за напасть?! Где вы, вашескобродие? Откликнись, не таись!

– Будет горло драть, не на палубе, чай, – послышался вдруг из комнаты напротив спокойный голос. Бархатная занавеска качнулась, навстречу денщику вышел капитан Преображенский. Был он двадцати восьми лет от роду, высок, приятно широк в плечах, тонок в талии; крупные черты не портили его гладко выбритого породистого лица, которое выглядело обветренным и суровым от долгих странствий. Жесткая складка рта выдавала если не своенравный, то, без спору, вспыльчивый, не терпящий возражений нрав. Длинный, ниже плеч, темный волос был зло зачесан назад и туго схвачен атласом черного банта, зеленые глаза взирали строго.

– Ну? – барин раздраженно поглядывал на вестового из-под угольных бровей.

– Андрей Сергеич, сокол, ну-тка, собирайтесь скоро. Боюсь, не успеем. Распух он весь, ровно восковой... хрипит... Часом, Богу душу отдаст. Тайное дело у него до вашего благородия. Ни в какую глаголить не желат... Чистый немтырь.

– Кто он?

Старик трижды перекрестился, глядя на иконы с неугасимой лампадкой, и продолжил неистово:

– Кажись, казак... На смолокурне помират. Артельщики наши егось нонче на трахте подгребли... В беспамятстве был. В двух местах пулями дырявлен... И в глазах –страху, аки с дьяволом обнялся, али с чем еще похуже... ежли тако водится...

– Хватит вздор молоть. Сыт! – резко оборвал Преображенский. – Лошади под седлом?

– Так точно-с! У ворот, родимые. Пожалуйте, сапоги ваши и плащ, – скороговоркой выпалил перепуганный Палыч.

Глава 2

Они неслись во весь опор за крепостной вал, разбивая в клочья загустевшее грязье, пугая дюжим скоком честный люд.

Дорога на смолокурню была местами избоистая –страсть, особенно ныне; лошади заступали в грязь по колено, вымогаясь из последних сил.

Миновали первый косогор, дыбившийся чернильным горбом, а затем другой, помельче. И тут уже нырнули в лес. Прибрежный чахлый ельник стоял густо, штыковой стеной без конца и краю. По узехонькой бровке дороги, где лес был толику прорежен, лепились жидкие кусты ивняка и березы. Оставшаяся каким-то чудом листва крючилась черным лоскутьем, шелестела мертвым шепотом, ко-гда ее трепал залетевший ветродуй с океана.

Всадники выскочили на опушку леса. Пар клубами валил от взопревших лошадей, забрызганных на пару с седоками липучей слякотью по самые уши.

– Приехали, ваше благородие, – буркнул раскрасневшийся Палыч. – Вона, гляньте-ка, Андрей Сергеич, – он ткнул перед собой черенком нагайки.

На другом берегу безымянной речонки, одного из мелких притоков Охоты, проглядывали покосившиеся редкие и гнилые, как зубы старухи, избы артельщиков.

Вместо ответа капитан резко стряхнул с треуголки скопившуюся воду, пришпорил одеревеневшими в стремени ногами жеребца.

В народе прозвали стан артельщиков имечком темным –Змеиное Гнездо. Это было прибежище отпетой рвани и босяков, прикипевших к излучине омутистого притока. Месяца не проходило, чтобы в этом логове не перерезали кому-нибудь горло, то вдруг приключалось знатное воров-ство или сбыт краденого... Словом, человек порядочный и честный места сего сторонился, как черт ладана, и без нужды носа сюда не казал.

* * *

У Палыча засосало под ложечкой. Страх вторично схватил старика за ворот. Так же, как и в первый раз, когда он пытался докопаться у раненого, почему ему нужен барин. Однако нынче страх был вдвое ознобливее: денщик дрейфил за хозяина, которого безумно любил и уважал. И ей-Богу, не только за кус с барского стола. Шутка ли, вся жизнь Палыча проходила в неусыпном дозоре об Андрее Сергеевиче, коего с малолетства оберегали его руки и глаза.

Он остро помнил тот день, когда покойный барин приставил его, Палыча, бывшего яицкого казака, дядькой к розовощекому барчуку, при сем молвил, сыграв желваками:

– Бога ради, не изувечь, не утратить ребенка...

Помнил и то, как в ответ, молитвенно прижав ладони к груди, он побожился беречь и холить мальчонку. Семей старик так и не обзавелся... А поэтому смысл жизни для него заключался в опеке Андрюшеньки. Сам же Палыч разумел так: Андрей Сергеевич ему заместо сына Богом даден.

Капитан платил той же монетой: искренне любил своего слугу и не мог обойтись без него, как обедающий без ложки за столом.

* * *

В переузье они вброд перешли мелководье и, выбравшись на противоположный берег, оказались в центре поселения. Навстречу им с оглушительным лаем выметнулась свора полудиких собак.

– Цыц, зверье! Чу-ка! – рыкнул Палыч, нагайка угрожающе взлетела над клыкастыми пастями. Властный окрик и свист над ушами осадил осатаневших псов. Зло ворча, они отбежали на почтительное расстояние и зорко следили за чужаками.

У одной избенки на высохшем бревне мостилось с десяток мужиков: драные косматые шапки, сизый дымок самосада, трубки с медными цепочками, что были в обменном ходу с инородцем на пушнину. Лесная братия безучастно поглядывала на приезжих.

Преображенский скосил глаза: две бойницы вместо окон слепо таращились на речушку. Андрей заметил прильнувшие к ним испитые женские и детские лица. Они воровато, исподлобья зыркали на него, будто боялись чего-то.

– Ну и народец... У-у... рожи убойнищие! – сквозь зубы цедил Пальч, покуда спрыгивали с лошадей и очищали лица от грязи. – И живут-то... тьфу, срам. Голошпапы – лапти каши просят. Енто ж нады, Андрей Сергеевич, змеи-то энти, – старик с опаской кивнул в сторону артельщиков и продолжал горячим шепотом: – Каждо Божье воскресение вместо церкви в кабаках отираются! Пируют и морды фабрют с матросней... И даже покупают кой-чо! Что ж за пичуги они таки небесные, вашескобродие?

– Не чета нам – вольные они. Гулящие, – хмуро улыбнулся капитан. – Будет язык занозить. Покуда я разговор заведу... повываживай сперва коней, а уж потом привязывай. Гляди, как пахами пышут.

Денщик удивленно поднял брови, посмотрел на своего господина и обиженно пробубнил в моржовые усы:

– Ученого учить, что топор тупить. Ступайте с Богом. Справлюсь.

Подойдя к угрюмым артельщикам, Преображенский сухо кивнул им и строго осведомился о человеке, которого они сыскали на тракте.

Одна рыжая бородатая голова с кольцом в ухе лениво повернулась. Оловянные глаза из-под навеса ржанных бровей на мгновение уставились на морского офицера. Выпуклые и пустые, они были столь близко, будто он, Преображенский, смотрел на них сквозь лупу, до брезгливости ясно видя кровянистые нити на белках и желтоватый налет, скопившийся в узгах век. Не выпуская изо рта дымившуюся трубку, голова безмолвно указала глазами в сторону.

Не из смутливых был капитан, но этот немигающий рыбий взгляд смутил-таки. Андрей Сергеевич нервно дернул коленом и с гадким осадком на душе отошел прочь.

Глава 3

Там, куда указал Рыжий, на отшибе стояла зарывшаяся в землю хибара без дверей и окон. Не изба, а охотничий скрад, кои рубят зверобой на солянках.

Капитан пригнулся и легко скользнул в черную пасть норы, ведущей куда-то в яму.

– Кто тута? – прозвучал вдруг из мрака слабый голос. – Ты, капитан?

– Угадал. Кто такой будешь? Зачем звал?

Где-то сбоку от офицера раздался шорох. Преображенский выхватил из-за пояса пистолет, замер. Постепенно глаза Андрея привыкли, глухая темнота сменилась дымным сумраком, и он наконец разглядел сажевый силуэт человека, лежащего на грубо сколоченных нарах. Капитан хрустнул золой, подошел к нему, заткнув за пояс пистолет. Из-под ветхой рогожи на него глядело бледное лицо с безумным, остановившимся взглядом. Преображенский явственно ощутил на лбу холод пота; сделав последний шаг, он присел рядом с умирающим. Глаза незнакомца скосились на сидящего в ногах офицера. В них едва теплилась последняя искра сознания.

– Я – Преображенский. Ну?! – капитан сурово глядел на казака.

Рвань дрогнула, зашевелилась, раздался удушливый кашель.

– Крестик у тебя должен быть... на груди особый, – просипел часто прерывающийся голос. – Покажь, барин... тады и разговор завяжется.

– Ах ты, черт! А без креста язык не шевелится?

– Времечко тратишь, барин... Умираю... торопись сведать, покуда я живе.

Сивая растрепанная борода задралась вверх, глаза закрылись. Мозолистая рука соскользнула с ложа и безвольно повисла над земляным полом.

Андрей рванул ворот мундира, судорожно нащупал влажными от волнения пальцами цепочку и выдернул ее из-под платья. Золотое распятие тяжело качнулось в его руке.

* * *

Под Шлиссельбургом Преображенский, будучи еще гардемаринем, выложил за него немало червонцев. Он выторговал этот крест у залетного жида-коробейника. Тот шастал тараканьей побеежкой вокруг крепости, навязывал заморский товарец молодым господам офицерам с оглядкой: не сладко семени Давидову в России – воздухом не дают дышать, аки клопа травят.

Тогда же точно такой крест выменял и его задушевный друг по Кронштадтскому морскому кадетскому корпусу Алешка Осоргин. Кресты были золотые – одно загляденье. Но не это привлекло гардемарин: распятия секрет имели. При нажатии на средокрестие выскальзывала сокрытая булатная пилка, железо пилить способная.

* * *

...Но теперь, в этом чадном срубе, за тысячи верст от града Петрова, по прошествии лет немалых, какая меж всем этим и умирающим была связь?

– Ну, зри, коли так! – капитан поднес распятие к глазам, как казалось, покойника.

Набрякшие веки дрогнули и насили открылись. Лик, принявший уже землистый оттенок, взялся испариной от напряженного изучения креста.

– Пилку изобрази, – выдавил он наконец.

Преображенский без слов нажал большим пальцем на сердцевину распятия. Полоска мерцающей стали вылетела рыбкой и застыла пред казачьим носом. Губы скривились в подобии улыбки, взгляд стал мягче, доверчивее.

– Он, родимый... гляди-ка, догодил... Ужо и не чаял, что дотяну...

– Эй, Палыч! Где ты, двухголовый?! – крикнул капитан, обернувшись.

Денщик словно у дверей на часах бдил: его седая голова тут же заглянула в нору:

– Ась?!

– За попом гони кого-нибудь в крепость! Да только пулей. На деньги не скупись!
– Лечу, вашбродие!

Голова исчезла. Снаружи донеслись отборные «матушки», горохом посыпавшиеся из уст денщика.

– Ужо не поспеть им, барин. Да и на том поклон, что сам объявился. Выходит, не зазря... я на брюхе сюда полз.

Тут глаза казака нежданно закатились, и он с такой силой сжал челюсти, что Андрей услышал скрежет зубов.

Преображенский побледнел. Бросил волнительный взгляд на посиневшее лицо и мысленно вздрогнул от того, что так и не услышит признания из растрескавшихся губ.

– Да что ж ты умолк?! Сказывай! Слышишь, сказывай, черт! – не выдерживая напряжения, взорвался он.

Капитан безжалостно тряс его за плечи, хлестал по щекам, пытаясь хоть как-то привести в чувство, кричал в ухо:

– Ну, ну же, любезный, говори! Нельзя так, слышишь? Нельзя! Как хоть звать-то тебя?..

Но служивый – ни звука, лежал мертвяком, пугая бордовым белком закатившихся глаз. И только ветошь на нарах пучилась, трепыхалась судорожными взмахами, будто под ней билась ослабевшими крыльями раненая птица.

– Господи, ужли откажешь? – крестясь, вдогад вопрошал Андрей, склоняясь к самому изголовью.

– Подклад... вспори, барин... Подклад... в ём все сыщешь. Человек ты, вижу, особый, чистоплотный... Помолись за Петра Волокитина... Чую, молитва твоя доходнее к Богу... Прощевай...

Тело казака дернулось дюже, выгнулось коромыслом, точно не желая расставаться с миром, и затихло.

Преображенский снял треуголку и перекрестился. Прочитав молитву, он отбросил с покойника рогожу, вынул из ножен кортик. Быстро перерезав гарусиновую опояску, вспорол подклад башкирского азяма³⁷, в который был обряжен Волокитин. Пошарив рукой, Андрей Сергеевич извлек сверток, тщательно обмотанный куском зеленого сукна. В нем оказался служебный пакет, скрепленный пятью сургучовыми печатями, на которых красовалась знакомая капитану, как «Отче наш», аббревиатура из трех букв: «РАК». Помимо этого сверток оказался богат еще и сложенным вдвое листом розовой бумаги.

В это время до слуха офицера донесся протяжный свист со стороны притока. А мигом позже крик Палыча:

– Едут! Едут, вашескобродие!

Преображенский от греха схоронил пакет на груди, застегнул пуговицы, листок сунул за обшлаг кафтана и выбрался наружу.

* * *

Вечерело. Верхушки сосен кутали пестрые туманы. Из-за дальних изб вынырнули всадники, окрашенные золотом и кровью заката.

Андрей Сергеевич признал их: рысивший в первых на гнедой кобыле Палыча был, без сомнения, мужик-артельщик; остальные, кроме городского батюшки, «щукинцы» – выкормыши урядника, – хмурые, злые, с саблями на боку, одно слово, казаки. Один из них бойко громыхал на армейской фуре, по всему для того чтобы свезти труп Волокитина на крепостное кладбище.

---

³⁷ Азям – разновидность татаро-башкирской одежды; стеганный, дол-гополюй халат. (Прим. автора).

Капитану отчего-то вспомнились страшные оловянные глаза Рыжего. Он обернулся, пошарил взглядом, – мужик в рысьем треухе будто сквозь землю ахнулся. Андрея Сергеевича вновь, как давеча, просквозило предчувствие гадкое...

– Ну-с, как? Не на понюх табаку примаяли лошадушек по этакой грязище? – не удержался от вопроса подошедший денщик.

Преображенский провел по уставшему лицу ладонью, словно стирая постороннюю мысль, что ответить препятствовала.

– К сроку успели, Палыч, – он глянул на часы: пора было трогаться – тикающие стрелки бойко подгоняли время к ночи.

Глава 4

До дому они дотряслись уже глубокой темнью. Во дворе Андрей спрыгнул с коня, под ногами зачавкала грязь. Бросив отсыревший повод Палычу, он крадучись скользнул к воротам и застыл, прислушиваясь.

Дождь неожиданно выплакался, и по горизонту мутной, пепельной грядой ползли низкие брюхатые облака. Окрест было тихо: ветка не шелохнется. Небо ненадолго рассветлилось, и Андрей Сергеевич на мгновение углядел размытое белое пятно кафедрального собора. Где-то далече, за воскресной школой, с тоски брехнула собака.

Денщик по-петушиному вытянул шею и изумленно глазел на барина.

– Вашбродь?..

– Тс-с! Тихо ты, дурак! – погрозил ему кулаком капитан. Палыч, не взяв в толк, в чем дело, понимающе кивнул и замер изваянием в скрипучем седле.

Капитан, приклеившись к заборной щели, всматривался в залитую дроглым лунным светом пустынную улицу.

– Тьфу, черт, – шепотом ругнулся он наконец. – Темнотища, хоть глаз коли.

– Как тамось, вашбродь? – послышалось за спиной нервное шиканье Палыча.

– Да как будто покойно все... Ты вот что, поставь лошадей и глянь, заперты ли окна на болты, да ворота на засовы не забудь закрыть непременно. И смотри мне!.. Чтоб не авосьничал! – уже с крыльца распорядился Андрей и, не раздеваясь, прошагал в горницу. Там скинул на сундук опостылевший, мокрый до нитки плащ, забросил на книжный шкаф треуголку, достал пакет и тронутый влагой свернутый листок. Разложив все перед собой на столе, крытом желто-бахромчатой скатертью, капитан устроился на стуле, с наслаждением вытянул гудевшие от долгой езды ноги и при двух свечах зашуршал бумагой.

– Святой Боже! – вырвалось из его груди.

Пальцы, державшие письмо, дрогнули. Оно было адресовано ему и писано кровью друга.

* * *

Милый брат, Преображенский!

Я умираю. Рана гнусная – в живот. Надеяться не на что... Жить, по всему, мне суждено не более четверти часа.

Не ведаю, сдюжит ли Волокитин, казак, оставшийся из моего сопровождения, достичь Охотска и сыскать тебя. Однако выхода у меня иного нет... Человек он верный, но тоже колот в шишке, в кою мы влипли, к счастью, не так гибло...

По сему уведомляю: ты, Andre, – единственный в Охотске, кому я могу доверить секретное поручение важности государственной. Уверен, ты выкажешь истое радение и исполнишь его!

Пакет, кой ты держишь в руках, подписан собственной его величества рукой. Он для Отечества нашего бесценен. Доставь его незамедлительно правителю форта Росс господину Кускову. Ежели сие станется невозможным – документ изничтожь, но врагу не выдай!

Под свое начало возьмешь фрегат капитана Черкасова... дотоле ознакомив его с эпистолой сей. Ему уже срок прибыть с островов Японских в Охотск. Корабль тебя ожидает отменный, имя сего красавца «Северный Орел». Я должен был идти на нем в Новый Свет, ай ухожу на тот.

На сем прощаюсь... кровью исхожусь... Умирать не хочется, но на судьбу не гневлюсь. Видно, так было угодно Господу... Отстрелялся я, брат. Черкни маменьке моей и сообщи о приключившемся злодействе графу Румянцеву в Петербург. Искренне твой Алешка Осоргин.

P.S. Заклинаю тебя... Будь зорок! Смерть рядом... Бойся Ноздрю... Они погубили меня, Andre...»

* * *

На этом письмо обрывалось. Капитан еще и еще раз перечитал его: рванул ворот кафтана, как в удушье, рухнул на колени. Кровавые запекшиеся строки черной вязью отражались в его расширенных блестящих зрачках.

«Господи, Алешка... не верю! Как же это? За что?» – вопросы, как вопли, терзали душу Преображенского. Он не хотел, он не мог согласиться, что Осоргина – цветущего и красивого баловня судьбы – уже нет в живых и никогда, никогда уже не будет. Этого весельчака и отпетого дуэлянта, которого он любил и жаловал как брата. По-следний раз виделись они три года назад в Петербурге у графа Толстого.

«Да, да, сие случилось на святки», – ворошил память Андрей, потрясенно складывая письмо. Тогда они, бывшие выпускники морского кадетского корпуса, собрались мальчишником и кутили трое суток кряду: варили пунш, сунув в серебряное ведро кадетского братства офицерские шпаги; вспоминали строгих учителей, отчаянные «штуки»; хвастали амурными похождениями; клялись пылко в вечной дружбе; пили до «тети Воти», то бишь до мертвецкой одури; бегали потом по парку босые, в одних рубахах, вдогонки по снегу; вели раззадушевные беседы; спорили, вспыхивали, что порох, – словом, радовались жизни, как способна радоваться сильная, уверенная в себе кипучая молодость.

Ныне все это было убито, перепачкано кровью и по-звериному брошено где-то в чаще.

Зловещее предчувствие чего-то ужасного штыком прон-зило Андрея Сергеевича. Он огляделся. Аршинные стены затихающего дома, на которых тускло мерцало развешанное оружие, давили его. Внезапно Преображенский ощутил в самом воздухе густое устойчивое присутствие смерти, о чем предостерегал его истекающий кровью Алексей. В какой-то момент капитан почувствовал, что не в силах более выносить этой безумной утраты.

Живым – живое: Андрей медленно встал из-за стола, прикрыл двери в горницу и шагнул к резному из красного дерева шкапу. Подцепил из него четырехгранный штоф и три из толстого синего стекла морских стакана. Водка пахуче булькнула... Преображенский кликнул денщика. Вскоре из передней клетушки, где бережничало нехитрое хозяйство Палыча, слышалось спешное чаканье каблуков, и в дверях с огарком свечи появилась сутулая фигура старика.

– Чаво изволите-с? Ась? – Палыч лукаво усмехнулся.

От капитана не ускользнул мелькнувший бес в глазах слуги – на столе красноречиво боярился штоф анисовки.

– Подойди, дело есть, – Андрей указал денщику на стул.

– Благодарствую, батюшка. Сие отратно, а почин каков? – забубнил по-стариковски Палыч, поправляя усы напротив штофа. – А я, дурень, вот самовар раздухорил, прикидывал чайком вас с пряником баловать да на покой отчаливать. Ну и пересобачились нынче! А дождж, проклятуший, опять так и сыпег! Небось увихались, вашескобродие?

– Что есть, то есть, – Преображенский сыграл желваками – накрыл третий стакан ноздрястым ломтем каравая, сдобренным щедрой шепотью соли.

– Господи Святы! По кому поминки, Андрей Сергеич? – денщик неуютно ёрзнул на стуле.

– Алешка погиб.

– Ой, матушка небесная! Ляксея Михайлович ангелонравный... Никак он?

– Он.

– Горе-то како, Господи Иисусе Христе! – старик закрестился всхлип, затем уронил руки, замотал седой головой.

– Будет, Палыч, багроветь сердцем. Плоти не поможешь, а душа уже на небесах ответ держит. Помянем давай.

Дзинькнули стаканцы – водка сморщила лицо, но Анд-рея не согрела. Капитан плеснул еще.

– Давай, старина. И знаешь, за то, чтобы Николай Чудотворец не покидал нас.

– Оно как! – приподнял одну бровь Палыч. – Никак срок приспел? Опять в окиян шлепаем?

– Идем.

– Вот-ить она, жизнь-то, какб: кровушка льется, а бабы рожают. Значит, за Николушку Чудотворца? Эка...

Одним духом они осушили содержимое. На сей раз пробрало. Анисовка душевно обожгла внутренности приятным теплом, разбежалась до самых кончиков.

– Вашбродь, не изволите семушки али рыжиков соленых на закуску? Ужо я в погреб-то мигом слетаю...

– Не суетись. Слушай со вниманием, да на ус мотай. Завтра поутру сходишь до пристани. Корабль прийти дол-жен. Зовется «Северным Орлом». Ежели такой объявится, в правлении спроведаешь, где остановился господин Черкасов, капитан сего судна.

– Уяснил, батюшка. Непременно золотыми литерами в память запишу, – рачительно, до легкого пота Палыч повторил: – «Северный Орел», капитан Черкасов.

– Слушай дальше: сыщешь и передашь ему, дескать, капитан Преображенский желает видеть. Дело у меня до него, отлагательств не терпит, – задумчиво молвил Андрей Сергеевич, закрыв ладонями лицо.

– Не вздумайте беспокоиться, барин. Лиха беда начало. Со дна морского зачалю, родимого.

Последние слова слуга обронил медленно, с расстановкой, ибо заметил, что барин, погруженный в свои думы, не слышит его.

Некое время они сидели в тягостном молчании. Преображенский не обратил внимания на то, как Палыч осторожно отложил подальше его заряженный пистолет, продолжая настойчиво истреблять у своей трубки всякие признаки жизни.

– Что с вами, батюшка Андрей Сергеевич? – с дрожью в голосе позаботился денщик, тихонько дотрагиваясь до его плеча: – Уж не приключилась ли с вами какб немочь?

Капитан будто ото сна оторвался, поднял покрасневшие глаза.

– Двери с окнами проверил? – в голосе его слышалось напряжение.

– Как велели-с, отец родной. Да что за напасть, Иисусе Христе?

– Палыч, – едва слышно сказал Андрей. – Тебе не показалось: ровно кто обочиной рысил следом за нами со Змеиног Гнезда? И все балками да оврагами, чтоб не приметили мы... А как в крепость въехали, будто отстал.

– Господь с вами, барин. Накличете беду... Ворон, по-диг-то, пролетал, аль рысь баловала... А и вовсе с устали почудилось часом вам, – белый, как парусина, пролепетал старик. – Не привыкли вы к земле, вашбродь. В море вам пора, сокол. Другим ветром дышать.

– И то верно, – натянуто улыбнувшись, ответил капитан. – Ну ступай, Палыч. Один остаться хочу.

Денщик прерывисто вздохнул, глянул внимательно и, осторожно ступая, словно боясь расплескать что-то, вышел из горницы. По лику хозяина он понял, что там, в срубе, на Змеином Гнезде, случилось нечто особенно важное, что в силах было круто изменить их жизнь, но что именно – раскусить не мог, а лезть капитану в душу с расспросами не решился.

Глава 5

На городском кладбище, что за крепостным валом, царил самый глухой час ночи. Соленый вязкий туман, выбивавший ознобливую дрожь, висел на покосившихся крестах. Мрак стоял такой густой, что, казалось, при желании можно было пощупать скользкую смоль его шерсти. Огней крепости не было видно. Кругом ни звука. Охотск будто провалился в бездну адову.

Голова уездного фельдшера Петра Карловича Кукушкина, с жидкими бесцветными прядями волос, узким лбом, длинным носом и подслеповатыми ячменными глазами, трещала, будто в ней гремела сотня барабанчиков. Ныла каждая косточка, и так воротило с нутра, что караул. Кукушкин жалобно застонал, и его пересохшие губы прошептали:

– Святая Троица, спаси и помилуй... грех-то какой! И надо ж так было упиться!

Очухавшись на могиле, которую он, будучи «никакой», обнимал несколько часов кряду, Петр Карлович запаниковал. Он почувствовал, как продрогло тело, как стянулись под холодной рубахой соски на груди. Стало нестерпимо тошно.

«Господи! Где ж это я?» – молотом ахнуло в раскалывающейся от боли голове. Его желтушные белки испуганно блеснули во тьме. В памяти пестро зароились картины безудержной пьянки в доме купца Красноперова: обмывались крестины младшего наследника. В ушах эхом прозвучал хмельной голосище счастливого хозяина: «Ужо я тебя не выпущ-шу из-за стола, мил сердечушко, Петра Карлыч, покамест не отгремим сию оказию, как полагаются. Христом-Богом моли – не пуш-шу!»

Оказия эта прикончилась, когда после тьмы подносимых стаканчиков Красноперов медведем захрапел вмерт-вую на полу, а Петр Карлович насилу отыскал дверь в переднюю. Под пьяный гогот и свист заразгулявших гостей Кукушкин, с трудом перешагивая через бесчувственные тела, выбрался на улицу уже при помощи дворового. Когда ему взбрела в голову идея велеть ямщику катить на кладбище, Петр Карлович, режь его, вспомнить не мог.

Он утер лицо и пощурился слезившимися глазами на новое платье. Отправляясь на крестины, он влез в свой парадный мундир тончайшего сукна, хоть дитя пеленая. Теперь тот был уляпан жирнучей грязью. Из-за расстегнутого сюртука белым языком лезла перепачканная глиной сорочка. От нее невыносимо несло водкой и еще какой-то кислятиной. Подбородок Петра Карловича дрогнул. Ему было невыносимо страшно на кладбище, жалко новый мундир и себя, человека мелкотравчатого, незаметного, снискивающего пропитание смиренным врачеванием. Плечи его тихо затряслись, он почувствовал соль на губах и только тут понял, что плачет.

Кукушкин сглотнул полынный ком, стоявший в горле, и, захлебываясь молитвой, истово осенил себя трижды крестным знаменем – на душе тот же неугомон. Тогда он нащупал дрожащими пальцами прутья ограды, на негнущихся ногах доковылял до калитки. Тыкнувшись к ней, фельдшер обмер: он вдруг почувствовал кожей, что не один. Среди молчаливых, насупленных могил присутствовал кто-то еще, невидимый, затаившийся.

Петр Карлович ощутил, как корни волос на его голове зашевелились. Пот градом покатился по бледному, измятому лицу. Он привалился к кресту, понимая, что теряет сознание. Подгнившее дерево зловеще заскрипело, крест под его тяжестью клюнул вперед.

Какое-то внутреннее, быть может, шестое чувство заставило сдержаться и не выдать себя вскриком. Рот лекаря по-рыбьи краткими рывками ловил воздух. Ноги без-вольно подломились в коленях. Кое-как придерживаясь за кованые прутья, Петр Карлович с Божьей молитвой опустился на могильный холм: в глазах потемнело.

Глухое постукивание по земле вернуло Кукушкина к реальности.

Сквозь щель полуоткрытых век он заметил крохотный блудячий лепесток пламени, скачками двигавшийся вдоль могил. Фельдшера заколотила передрожь. Внезапно в мерцавшем отблеске на миг обозначился силуэт движущегося человека. Огонек моргнул и замер, точно в раздумье.

Ни жив ни мертв, Кукушкин не сводил с него затравленного взгляда. Левую щеку била судорога, но рука продолжала сжимать прут ограды. К ужасу фельдшера огненный язычок качнулся и поплыл к нему. Петр Карлович плотнее вжался в пустоту между могилой и решеткой. По-хмелья, терзавшего его, как не бывало. Пламя неумолимо приближалось. Несчастный перестал дышать, и лишь серд-це вещало: «Край твой пришел, Кукушкин!»

Миг, другой, третий...

Черный плащ шершавым сырым краем шлепнул его по уху. Большие морские сапоги прочавкали у самого носа. От них повеяло смертью. Еще малость, и он перестал их слышать.

Вдали над бухтой скрещивались молнии. Воздух стоял тяжелый, беременный влагой. Скорилась гроза. Стремительно налетевший ветер понукал деревья, вырывая у них пыточные стоны.

Кукушкин щупал взглядом потемки, пробираясь к главному входу.

Сбившись с центральной аллеи, он заблудился и понятия не имел, где теперь находится. В одном месте черпнул своим низким башмаком, в другом обеими ногами влез в грязь. Но он не замечал сей малости и, точно блажен умом, квасил по слякоти вперед.

Сгибаясь под порывами промозглого ветрогона, Петр Карлович в сотый раз терзал себя мыслью: как было бы все благовидно, если б он не уступил увещаниям Красноперова, не поехал на крестины и не назюзился до поросячьего визга.

– Господи, помилуй! Господи, помилуй! – шелестели его губы от сознания своей человеческой немощи.

Он уже изрядно шарахался, обходил ограды, напарываясь на сдвинутые, заброшенные надгробья, повалившиеся кресты, и все успокаивал себя: «Ничего, Петруша, в жизни такое кругом и рядом: ищешь ягоду, а находишь гриб. Вот так... Вот так. Не огорчайся, брат любезный. Обойдется все... право, обойдется».

Внезапно каленая молния разверзла небо надвое –фельдшер замер.

Высветилась бухта, прибрежные унылые дюны, притихшая в тревожном сне далекая крепостная стена. Но Петр Карлович углядел и свое зерно – решетчатые кладбищенские ворота, до которых было рукой подать.

Гром ухнул чуть погодя. Всесотрясающий грохот долго перекатывался по жести неба, дробил ее, пригибая Кукушкина к могилам.

Зачастили первые тяжелые капли дождя. Он поднял воротник, нахохлился и едва не уперся лбом в склеп, сложенный из кирпича.

Очередная молния острым зигзагом разорвала саван ночи. В трех саженях от себя Петр Карлович узрел... зловещую фигуру в черном плаще.

Призрак, наклонившись, скрылся в склепе. Все померк-ло в самом Кукушкине: ровно жила огнем свеча, да вот нахлобучили медный гасильник.

Из склепа, как из преисподней, донеслись приглушенные голоса.

Лекаря забила лихоманка. Ноги вдруг против воли двинулись к склепу, будто какая-то гиблая нечисть вселилась в него и заставила двигать члены. Почти в беспамятстве он прильнул щекой к кирпичу.

– Ты видел его, Ноздря? – послышался властный, с нажимом, голос. Ухо фельдшера резанул заметный акцент.

– Не слепой.

– Так какого черта? Бумаги где? Они как пить дать у него!

– Он был не один. Кончать других уговору не было. Тут не каторгой, петлей пахнет. Лучше ответствуй по совести, Гелль³⁸, он это али нет?! Сходство его с родителем не зрю.

Склеп замолчал, будто вымер, а потом шепнул с ледком:

– Будь покоен – он. На Библии клянусь! – и чуть позже в догонку глухо-глухо: – Рука-то не дрогнет? Брат ведь он тебе кровный...

– Хоть бы и кровный – не велика честь. По крови и зверь в родстве. По духу – токмо человек. У меня с этим сучьим семенем свой расчет!

– Ну-ну, не шуми, – ласково, как ребенку, ответил тот, кого называли Геллем. – Смотри, сынок, не сидеть бы на бобах... И тише, тише!

– Кого боишься? – с насмешкой огрызнулся Ноздря.

– Заткнись! И у могил есть уши. Знай, здесь задаю вопросы только я! – голос с акцентом зашипел: – А теперь запоминай: на это дело он снимется с якоря под иным именем... Это уж точно, как трубку набить.

– Ты клянешься? – бас дрогнул.

– Слово моряка. Я скорее дам руку отсечь, чем нарушу его, сынок.

– Черт с тобой, будь по твоему. Я верю тебе, Гелль.

– Вот и славно. Но смотри, Ноздря, не вздумай вилять, как маркитантская лодка. Клянусь Гробом Господним, я выпотрошу тебя, как тунца, и вздерну на твоих же кишках на рее.

От этих разговоров Петра Карловича будто обуглило. Он даже не сразу смог поправить воротник сюртука, за который ручился студеной дождь. «Как пить дать, – смекнул он, – нелюди эти не росой омываются».

– Let it be³⁹, – смягчаясь, сказал Гелль. Кукушкин слышал, как он некоторое время сосредоточенно жевал табак, затем сплюнул и продолжил:

– Тебе передали деньги?

– Не в них дело.

– Конечно, нет. Будь покоен, сынок, ты упьешься его кровью. И все же, доллары я передал тебе... Можешь проверить.

– Уже проверил.

– В чем дело? – голос Гелля стал глуше. – Ты не доверяешь мне?

– Таким, как ты, и мать родная доверять не должна.

– Damn you! I'll cheat you yet...⁴⁰ ха, ха, кому стоит доверять. Ладно, ближе к ветру! Меня не ищи. Бухту тебе укажут мои люди... До встречи.

Фельдшер вздрогнул, как пришпоренный мерин. Тусклый свет от чадающей лампадки лился на землю, и он с тоской понял, что ему суждено пересечь освещенный участок, прижимаясь ужом к стене. Время обходить склеп уже вышло. Но когда Петр Карлович очутился возле окна, душа не вынесла-таки: глянул украдкой.

– Святой Боже! Святой Крепкий!..

Кукушкин подавился молитвой – склеп был пуст. С опасливой оглядкой он поднялся и – прочь, прочь, разъезжаясь башмаками по слякоти, откуда только силы прихлынули.

Ворота, слава Господу, оказались не запертými, открылись махом, но с дьявольским скрежетом. У лекаря будто выросли крылья: не глядя под ноги, он несся к огням спасительной цитадели. Петр Карлович зарекся кому бы то ни было сорочить о случившемся. Он был

³⁸ Гель (Hill Samuel) – в романе выписан как Гелль Коллинз – капитан американского судна «Оттер» («Otter»), в романе «Горгона»; стяжал темную славу отчаянного пирата; был знаком с не менее одиозной личностью Барбером Генри, тоже пиратом Северо-Западного побережья Америки, капитана английского брига «Артур», затем «Юникорн» (Ulicorn). В 1807 г., отправившись на компанейском корабле «Ситха» в Россию, Барбер утонул при крушении корабля у берегов Камчатки. (Прим. автора).

³⁹ Let it be – пусть будет так (англ.).

⁴⁰ Damn you! I'll cheat you yet – Будь проклят! Я еще покажу тебе... (англ.).

убежден, что в участке урядник Шукин уж не преминет поднять его на смех. Но не это пугало Кукушкина... а глас пустоты.

Глава 6

Уже на третьи сутки после случая на Змеином Гнезде «Северный Орел» под небесным Андреевским флагом бросил якорь в Охотске.

В этот звонкий от весенней капели и чивливых воробьев день на городском кладбище тело казака Волокитина было предано земле.

Палыч наказ барина ущучил крепко: отыскал капитана Черкасова на постоялом дворе, где хоронили свои сундуки с саквояжами приезжие; вцепился в него клещами, пока своего не достиг. Встреча капитанов случилась сердечной, если не сказать родственной: от души были удивлены и обрадованы, что оба Андреи и оба Сергеевичи. С первого часу встали на короткую ногу и свято уверовали, что дружбу свою сберегут на всю жизнь.

* * *

Как ни «бегался торопом», по выражению денщика, Анд-рей Сергеевич, как ни воспарял в большую спешку, но на подготовку к плаванию до берегов американских дней ушло поболее, чем загадывалось. Дело с передачей судна оказалось заковыристым и долгим. Одной канцелярщины было довольно, чтобы довести до слез и крепкого мужика. Перво-наперво пришлось ознакомить командира порта г-на Миницкого⁴¹ с бумагами, обнаруженными Преображенским у Петра Волокитина.

Не розно с Андреем переживал заминку и капитан Черкасов. Дни ожидания тянулись гуськом, неразличимой чередой, – пропадало времечко за шаль. И слонялся Черкасов без дела по городским колдобинам да питейникам, терялся в догадках, возвращаясь на корабль, проклинал забытый Богом край света. Однако пуше всего он страшился дальнего тайного прицела, который мог держать на уме неизвестный ему доселе адмирал Миницкий.

«Какого черта за нос водит, старый сундук?!» – в голове Андрея Сергеевича бурлила обида: с чем в Петербург возвращаться? Как в глаза графу Румянцеву смотреть, не передав фрегат в надежные руки?..

Измаявшись таким образом и не дождавшись приглашения, он заслал, по совету Преображенского, письменный рапорт командиру порта. Неделя истекла, а от властей ни слуху, ни духу. «Похоже, жухнуть бумаге в долгом ящике», – скрежетал Черкасов. Плюнув на этикет, он решил «бубенить в колокола»: откушал с утра чаю с капустным пирогом и, поскрипывая натертой кожей, отправился в командирский дом – трудить его высокопревосходительство.

Неожиданное появление в приемной самого адмирала порта в вицмундире вспугнуло разомлевшего вестового. Однако Черкасов прытче был: ловко вскочил с банкетки, ровно спущенная пружина, по всем правилам браво козырнул и замер в нетерпеливом ожидании.

Андрей Сергеевич в воображении своем рисовал Миницкого этаким плотно-тугим и грозно-заспанным, но нет, тот оказался подтянут для своих шестидесяти, приятен лицом и обхождением.

– Прошу не беспокоиться, голубчик, дай Бог памяти...

– Капитан Черкасов, ваше превосходительство! – ахнуло в приемной.

– Прекрасно, а величать как прикажете?

– Андрей Сергеевич, ваше... превосходительство, – немало обескураженный теплым обращением, уже не столь бойко отвечивал капитан.

– Меня – Михаил Иванович. Будем считать – по-дружились, так? Ну-с, справляйте курс в покойную гавань. – Командир порта пропустил Черкасова в открытую казаком дверь.

---

⁴¹ Миницкий, Михаил Иванович (ум. 1829 г.) – контр-адмирал; в чине капитана корпуса флотских штурманов был командиром Охотского порта и Охотской области (1808–1814 гг.).

Они прошли в просторный, чисто выбеленный, по-домашнему уютный кабинет. Капитана поразила и где-то даже возмутила неуставная, периферийная вольность, что была допущена в убранстве кабинета: стены красили кабаньи, лосиные и медвежьи головы – трофеи собственной охоты, как пояснил хозяин. Слева от дверей пузатился радушием массивный буфет с поблескивающими серебром гусями-братинами и прочая, весьма далекая от службы, утварь.

Но еще круче Черкасова повергла в изумление беседа. Вместо незамедлительного принятия рапорта Минацкий сперва ужалил язык офицера коньяком, затем заочно по-знакомился с его родителями, тут же, на одном кругу, вспомнил и свои старые добрые деньки, когда он был лихим морским капитаном.

«Хм, сдается мне, не сильно тут потом обливаются в радении для Отечества, – ухмыльнулся про себя моряк. – И то верно: хиреет за делами глас Особенной канцелярии»⁴².

От зоркого ока его превосходительства не ускользнула холодная брезгливость ко всему штатскому, тронувшая строгий взор офицера. Это, однако, ничуть не задело самолюбия адмирала порта. Напротив, он просто заметил:

– Я понимаю вашу иронию, Андрей Сергеевич. Но знаете ли, голубчик... служить в такой дыре, в сумасшедшей дали от столицы... Скотская жизнь, капитан! А сие, смею вас уверить, недешево стоит. Скука и серость! И ежели б не охотничьи утехы, я бы, пожалуй, сдох от тоски. Простите старику неприкрытую грубость, топ шер. К тому же, я гол, как сокол. Увы, Создатель семьи не дал... А чертовски хочется тепла, уюта... Вот и получается, что дом мой – служба. – Михаил Иванович хлопнул ладонью по столу. – Ежели угодно, возможно и наоборот: служба – дом. А вы находите это предосудительным? Порочным?

Черкасов повел смущенно плечом:

– Прежде не искушен подобным был... Не привык...

– Извольте еще коньяку?

Предложение Минацкого будто в шлагбаум уперлось. Моряк отрицательно качнул головой.

– Как угодно, голубчик. Ну-с, теперь слушаю вас. Как понимаю, вы опять в трудах насчет передачи судна Преображенскому? Не промахнулся?

– Так точно, ваше превосходительство.

– Не сомневайтесь, эпистола вашу я изучил. Вы были посланы в Охотск графом Румянцевым?

– Точно так, с заходом на японские острова для снабжения тамошней православной миссии порохом, свинцом и воском.

– И щедро?

– Всего по три тысячи фунтов, а воску вдвое более будет.

– Не густо. Ну, да что Бог послал, – командир порта прокашлялся в платок и вдруг резко заявил: – Я вот что скажу вам, сударь, без всяких экивоков. Мне самому тошно черепашить с этим делом. Но поймите и вы меня! Слов нет, форштевни бы уже срывали пену волн... Но, как на грех, произошло УБИЙСТВО! Разумеете, убийство! Капитана Осоргина нет, и казачьего разъезда – тоже. И трупы их, увы, не найдены. – Лицо адмирала омрачилось, стало суровым и непреклонным.

– Но имеется письмо убитого князя!

Они молча глянули друг на друга, словно грудь с грудью сошлись. Легла тишина.

– Вот оно, – Минацкий поддал пальцем, как штыком, лежащую на столе бумагу. – Ну-с, и дале что?

⁴² Особенная канцелярия – эквивалент Тайной канцелярии, которой управляли генерал-аншеф Ушаков, позже Шувалов. В 1826 г. собственной рукой его величества Особенная канцелярия была преобразована в печально знаменитое Третье отделение.

– Это я вас хочу спросить, что дале? Вы предаете его сомнению, ваше превосходительство?! Оно же... кровью писано!

– А вот сего – не надо! Тверезым будьте, – холодно одернул командир. – И ответьте на милость, кто вам сказал, голубчик, что это кровь Осоргина, а не свиньи?

– Это жестоко!

– Отнюдь. Мне не до шуток. Я, и только я ответственю здесь за порядок, и в случае чего... – Миницкий бегло перекрестился на образ Спаса Нерукотворного, – ответ мне держать, а не вам. – При этих словах он перстом много-значительно указал в потолок: – Признаюсь, я не жажду веровать в злоумный подлог... Но покуда труп князя не сыщен, мое право так помышлять. Вы раскусили здешний люд, господин Черкасов? М-м? О! То-то, что нет. Да, число тут немалое правых и лукавых... Но трижды более беглых каторжан и лиходеров. И кто знает?... Нет-нет, сей орешек не так прост, как видится, сударь. Спустите мне на седины и чин, Андрей Сергеевич, и не дуйтесь, право, за откровенность. Но вы и господин Преображенский рассуждаете как неоглядчивые юнцы. И не перечьте! Ну-с, что в рот воды набрали? Чай, не по ноздре табачок? Лучше подсобите: как бы вы поступили на моем месте? – В углах рта командира сыграла колкая усмешка.

Черкасов призадумался, а затем выдал:

– Мы всяк на своем месте, ваше высокопревосходительство. И всяк по своему разумению решать обязан. У меня имелся приказ, и, клянусь честью, я выполнил его. Прошу не гневаться на меня, но решительно советую вам сделать то же. Я не фискал, но я русский морской офицер, и посчитаю долгом своим уведомить его сиятельство о вашей нерешительности. Вы срываете государственное дело, ваше превосходительство. Честь имею. Позвольте откланяться.

– Bravo, голубчик. Красно глаголишь, красно, да глупо. Мы с вами не на гатчинском смотру. Давайте, знаете ли, без сей пудры! Положа руку на сердце, вы разделяете мои опасения?

Андрей Сергеевич помедлил чуток.

– Да. Риск изрядный, но ведь и дело горит! Ключьте пером в склянку, подпишите решение.

Контр-адмирал опалил взором моряка, будто говоря: «Ну вот видишь, брат, на поверку-то оно как!»

– Я тайным делам не потатчик, ну, да Бог с вами, господа, куда от вашей молодецкой прыти денешься! Кому другому нипочем бы мирволить не взялся, а вам... Спешу друга порадовать, быть по сему – подпишу, – пробурчал Миницкий и тут же по-птичьему вострепнулся: – Еще коньяку?

– С превеликим удовольствием, – окрыленный капитан чиркнул по зеленому сукну рюмку под щедрюю руку командира.

Глава 7

Однако сам Михаил Иванович поспешал медленно. Оставшись один, в пятый раз прошел маршем письмо Осоргина, куснул губу. Его томила «душевная». Он панически боялся неприятностей, которые могли завертеться пчелиным роем. Чертово убийство, свалившееся на его голову, пугало. Любой промах сулил навлечь гнев столицы, а это дело не шуточное, расплата – голова. Это Миницкий сие зарубил давно и прочно, оттого и ёжился.

«Убийство – какое оно? С политическим душком, иль просто судьба была Осоргину под разбойничий нож встать?» – морщил нос Михаил Иванович и клял, клял в сердцах урядника-шельму за недогляд, за отсутствие порядка на тракте. Хотя и брал умом: вины Щукина в сем –дырка от бублика. «Что за воинство – два десятка казаков? Так, тьфу, – баб потешить; дороженек к охотской фортеции, и то поболее сходится, где уж тут углядеть. А пополнить пограничную цитадель саблями – в Петербурге перо спит. Лень – вот казнь наша!»

Командир порта рассеянным взором еще раз пробежал по письму и повторил вслух врезавшиеся в память багряные строки: «...пакет... подписан собственной его величества рукой и для Отечества нашего бесценен. Доставь его незамедлительно правителю форта Росс...» Он почувствовал, как шибанула в виски кровь, с губ тихо слетел пост-скриптум письма: «Заклинаю тебя... Будь осторожен. Смерть рядом. Бойся Ноздрю... Это он...»

– М-да, – Миницкий отложил письмо, подошел к окну туча-тучей.

Солнце ласкало землю сладким теплом. Хмурясь на лужи, на стоявшего вдалеке десятника, вершившего какие-то указания казакам, на незасыпанные колдобины у портовой конторы, адмирал ощущал через открытые створки окна причуды мартовского воздуха, пахнущего то талым снегом, то залежалым прелым деревом, и задумчиво молчал. Слух его ловил теплый благовест церковной звонницы, унылый хлюп под копытами лошадей водовоза, а кто-то беспокойный внутри неуклонно вещал: поступай, как должно!

Миницкий налился гневом, тряхнул ногтями о подоконник. Так оно завсегда: в столице в ус не дуют, а ему хребет ломать.

Он потер шею и прикинул: «Что ж, дольше ждали, покуда погодим Щукина. Его мундирная сила нынче шерстит окружные леса, авось да и вынюхают что... Оно ведь как бывает: издаля веревочка, ан, вон и кончик. Вот тогда и призову Преображенского, потолкуем».

Михаил Иванович энергично сел за стол, вытянул из секретера гербовую бумагу. На его тщательно выбритых щеках обозначились тяжелые складки. Раз обжегшись на молоке, поневоле дуешь на воду. Страх перед словами Черкасова, что он может попасть в худые композиции за своевольный срыв миссии, подтолкнул-таки его обмакнуть перо в чернила. Но прежде, взвесив все *pro et contra*⁴³

---

⁴³ Pro et contra – за и против (лат.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.